

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ИСТОРИИ И ПРАВА

Синодальная система управления Русской Православной
Церковью на завершающем этапе ее существования
(конец XIX -начало XX вв.)

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.04.01. Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
«Правовые основы управления образовательными системами»

Проверка на объем заимствований:

85,05 % авторского текста

Работа рекомендована к защите

« 15 » июня 2026 г.

зав. кафедрой истории и права

Н.В. Коршунова / Коршунова Н.В.

Выполнила:

студентка группы ОФ-224-289-2-1
Толчева Ангелина Евгеньевна

Научный руководитель:

д.и.н., доцент кафедры истории и
права

П.Б. Уваров / Уваров П.Б.

Челябинск

2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. Российская империя и церковь: трансформация синодальной модели в условиях модернизации.....	12
1.1. Становление государственной церковности	12
1.2. Реорганизация Святейшего Синода в послепетровский период: институциональные изменения и их последствия.....	29
1.2.1. Трансформация внутренней структуры и динамика влияния Святейшего Синода в высшем управлении делами Церкви	30
1.2.2 . Правовой статус и административная компетенция Святейшего Синода	37
Глава II. Синодальная система управления Русской православной церковью на завершающем этапе ее существования (1894 - 1917 гг.)	45
2.1. Святейший синод в 1894-1905 годах: институциональные изменения и вызовы переходного периода	45
2.1.1. Государственная церковная политика и религиозно-нравственное состояние общества	45
2.1.2. Реакция Церкви на социально-политический кризис 1905 года.....	56
2.2. «Священство» и «царство» в условиях кризиса: факторы непоследовательности политического курса Святейшего Синода после 1905 года	65
2.2.1. На пути к Поместному Собору.....	73
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	88
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	91
Приложение 1	101

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. В современном мире, переживающем сложные процессы трансформации ценностных ориентиров и поиска духовных основ, обращение к историческому опыту взаимодействия религии и государства приобретает особое значение. Изучение моделей такого взаимодействия позволяет глубже понять природу социально-политических кризисов и механизмы формирования национальной идентичности. Отношения верховной власти и религиозных институтов, в первую очередь Русской Православной Церкви, всегда занимали важное место в российском самосознании. Однако, несмотря на активное развитие исторических знаний, в церковной истории России еще остается много малоизученных сюжетов, значительная часть которых относится к синодальному периоду (1721–1917 гг.), наполненному целым рядом сложностей и противоречий в церковно-государственных отношениях.

В настоящее время на фоне постоянно возрастающего общественного и научного интереса к духовному наследию Русской Православной Церкви, осознания её роли в реализации комплекса насущных задач, связанных с духовным и национальным возрождением, вопросы взаимоотношений Церкви и государства продолжают занимать особое место. Поэтому изучение опыта конца XIX – начала XX века, когда динамичное изменение общественных и политических реалий непосредственным образом отразилось на сфере церковно-государственных отношений, безусловно, весьма значимо и в контексте сегодняшнего дня.

Степень изученности. В дореволюционной историографии всесторонне изучение получили вопросы истории синодальной системы управления РПЦ XVIII - первой половины XIX в. Так, историки государственного и церковного права (И.И. Горчаков, А.Д. Градовский, А.П. Доброклонский, Н.Л. Заозерский, Н.Л. Захаров, П.В. Верховский, В.В. Ивановский, И.А. Ивановский, П.Е. Казанский, Н.И. Лазаревский, В.Н.

Латкин, Б.Э. Нольде, Н.Л. Заозерский, А.С. Павлов, Л.А. Тихомиров и др.) указывали на неопределенность положения Синода в системе государственной власти, отмечали выдающееся положение обер-прокурора в управлении, а также акцентировали внимание на особый характер этого учреждения, обусловленный сферой компетенции. Однако выработать единую точку зрения на место Синода в общей системе государственных учреждений исследователям не удалось. Глубокий конфликт в системе высшего церковного управления рассматривался вне связи с внутривластным кризисом и процессом огосударствления церкви. Предмет исследования рассматривался изолированно, без учета взаимодействия с другими отраслями управления.

В конце XIX века вышли в свет фундаментальные работы по истории Святейшего Синода Т.В. Барсова и Ф.В. Благовидова¹. Монография Т.В. Барсова, члена Святейшего Синода, отличалась введением в научный оборот большого объема ранее недоступных фактических данных. Однако, положение автора, как чиновника Синода неизбежно накладывало отпечаток на его суждения, делая их осторожными в отношении вопроса определения места церковного органа в государственной системе управления. Ф.В. Благовидов предпринял первую попытку осмыслить церковно-государственные отношения в контексте внутривластной ситуации. Предметом своего изучения Ф.В. Благовидов избрал историю взаимодействия обер-прокуратуры Синода и высшего церковного руководства, проследив преемственность действий обер-прокуроров в контексте предшествующей традиции развития отношений между Церковью и государством.

¹Благовидов, Ф.В. Обер-прокуроры Святейшего синода в XVIII-м и в первой половине XIX столетия / Ф.В. Благовидов. – Казань : в Тип. Ун-та, 1898. – 374 с.

В 1901 году увидел свет труд С.Г. Рункевича², ставший первым комплексным исследованием истории Русской Православной Церкви в XIX веке. В работе были представлены практически все стороны церковной жизни, и она одна из первых представила официальную трактовку процесса формирования синодальных институтов в этот период.

Отдельные сюжеты истории Синода второй половины XIX века получили более детальное освещение у дореволюционных авторов. В фокусе их внимания находились такие темы, как отношение власти и общества к реформе высшего церковного управления в 1860-е гг.³, проекты духовной судебной реформы⁴, борьба Синода и Министерства народного просвещения за руководство начальной школой⁵, церковная политика Александра III⁶, история отдельных учреждений Синода⁷. Однако указанные аспекты скорее излагаются ими, нежели подвергаются исследованию. Большинство работ носит обзорный характер и содержит общую информацию о своем предмете. В основном исследователи располагали опубликованным законодательным

²Рункевич, С.Г. Русская церковь в XIX веке : исторические наброски / С. Г. Рункевича. – Санкт-Петербург : Тип. А. П. Лопухина, 1901. – 232 с.

³Папков, А.А. Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-освободителя (1855–1870) / А.А. Папков. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1902. – 254 с.

⁴Барсов, Т.В. Святейший Синод в его прошлом / Т.В. Барсов. – СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1896. – 263 с.

⁵Благовидов, Ф.Е. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование имп. Александра II / Ф.Е. Благовидов. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. – 461 с.

⁶Айвазов, И.Г. Законодательство по церковным делам в царствование имп. Александра III / И.Г. Айвазов. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1913. – 148 с. Айвазов, И.Г. Церковные вопросы в царствование имп. Александра III / И.Г. Айвазов. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1914. – 218 с.

⁷Глубоковский, Н.Н. По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном Комитете при Св. Синоде / Н.Н. Глубоковский. – СПб.: Синод. тип., 1907. – 148 с. Здравомыслов, К.Я. Архив и библиотека св. синода и консисторские архивы / К.Я. Здравомыслов. – СПб.: Синод. тип., 1903. – 28 с. – (Отд. отт. из «Христианского чтения»). Здравомыслов, К.Я. Краткий очерк истории и современного состояния С.-Петербургской синодальной типографии / К.Я. Здравомыслов. – СПб.: Синод. тип., 1895. – 30 с. Здравомыслов, К.Я. Специальные капиталы Св. Правительствующего Синода / К.Я. Здравомыслов. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 106 с. Здравомыслов, К.Я. Пятидесятилетие высочайше утвержденной комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода. 1865–1915 / К.Я. Здравомыслов. – Пг.: Синод. тип., 1915. – 55 с. Соловьев, А.Д. Московский печатный двор / А.Д. Соловьев. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1917. – 42 с.

материалом или опирались на личное знание предмета в качестве сотрудников духовного ведомства. Документы архивов Синода и других органов власти использовались в работе лишь отдельными авторами (Ф.Б. Благовидов, Л.Н. Яснопольский, К.Я.Здравомыслов).

В дореволюционный период были изданы труды Л.А. Тихомирова, в которых автор говорил о необходимости восстановления практики созыва Поместных Соборов. В своих работах Л.А. Тихомиров подчеркивал, что для современной государственности необходимо установить правильное отношение государства к Церкви, т.е. дать Церкви самостоятельность и остаться с нею в союзе. Основу предполагаемых преобразований Тихомиров видел в реставрации «древнерусского патриаршества», необходимого для усиления Церковного авторитета.

В советский и постсоветский периоды история высшего церковного органа как самостоятельная тема не получала специального освещения. Отдельные сведения о деятельности Синода рассматривались в контексте более широких исследований по истории Русской православной церкви или внутренней политики самодержавия XIX века. Так, фрагментарные данные о Синоде присутствуют в учебнике Н.П. Ерошкина, работах Н.Л. Никольского и В.В. Клочкова⁸.

Социально-демографические характеристики корпуса обер-прокуроров Синода детально разобраны Т.Г. Фруменковой.⁹ Вопросы межведомственной полемики по поводу учреждения синодальной школьной сети в начале 1880-х годов поднимаются в исследовании А.В. Вовченко¹⁰. В

⁸Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 3-е изд. – Москва, 1983. – С. 148, 206. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – 3-е изд. – Москва, 1985. – 448 с. Клочков, В. В. Закон и религия: (От государственной религии в России к свободе совести) / В. В. Клочков. – Москва: Политиздат, 1982. – 159 с.

⁹Фруменкова, Т.Г. Обер-прокуроры Святейшего Синода (1722–1917) / Т.Г. Фруменкова // Из глубины времен. – 1994. – № 3. – С. 20–29.

¹⁰Вовченко, А.В. К вопросу о создании школьной организации Святейшего Синода в 1880-е гг. / А.В. Вовченко // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы и факты. – Москва, 1989. – С. 94–97.

работах В.Ю. Лещенко исследуются правовые основы деятельности православной церкви¹¹.

Ю.И. Москалев обратил внимание на недостаточную изученность политических функций дореволюционной православной церкви, поставив вопрос о необходимости комплексного исследования взаимосвязей политики и религии, церкви и политической системы.¹² Эти проблемы рассматриваются в целом ряде работ, посвященных анализу церковно-государственных отношений в России 1905-1917 гг.¹³ Аналогичная литература по пореформенному периоду немногочисленна. Анализу идейного наследия К.П. Победоносцева как «теоретика и практика православно-русского консерватизма» посвящена работа А.И. Пешкова¹⁴. Законодательная деятельность царизма и полемика в печати 1901-1904 гг. по поводу проектов реформы церковного управления представлены диссертациях С.Л. Фирсова и Е.В. Фоминых¹⁵.

Синодальный период истории Русской церкви, рассматриваемый с точки зрения функционирования Синода как государственного органа, традиционно находится вне поля зрения богословской науки. Исключение составляет труд протоиерея В. Флоровского, представляющий опыт историософского синтеза по истории русской религиозной мысли на

¹¹Лещенко, В.Ю. Церковное право как социальный регулятор брачно-семейных отношений в дореволюционной России / В.Ю. Лещенко // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1984. – С. 62–82; Право и церковь в России / В.Ю. Лещенко // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1985. – С. 44–61.

¹²Москалев, Ю.И. Место церкви в политической организации буржуазного общества / Ю.И. Москалев // Вестник МГУ. Сер. Философия. – 1973. – № 1. – С. 41–45.

¹³Дякин, В.С. Церковь и государство в период третьеиюньской монархии / В.С. Дякин // Новый часовой. – 1996. – № 4. – С. 126–130. Зырянов, П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / П.Н. Зырянов. – М.: Наука, 1984. – 224 с.

¹⁴Пешков, А.И. К.П. Победоносцев как идеолог русского православия: автореф. дис. ... канд. философ. наук / А.И. Пешков. – СПб., 1993. – 22 с.

¹⁵Фирсов, С.Л. Православная церковь и Русское государство в конце XIX – начале XX вв. (Проблема взаимоотношений духовной и светской власти): дис. ... канд. ист. наук / С.Л. Фирсов. – СПб., 1994. – 310 с. Фоминых, Е.В. Проекты церковных преобразований в России в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук / Е.В. Фоминых. – Л., 1987. – 222 с.

широком в контексте взаимодействия светской и духовной власти¹⁶. Оценка Синода, сложившаяся в дореволюционной историографии, разделяется богословами сохранившими канонический подход в трактовке церковной реформы Петра I. Вместе с тем часть теологов, начиная с А.В. Карташева¹⁷, выступает против односторонне негативного крена в оценке синодальной эпохи. Одним из наиболее компромиссных выводов в этой области стала мысль о том, что церковная реформа Петра I так и не была доведена до логического завершения, что во многом предопределило последующие церковно-государственные коллизии.

В зарубежной исторической науке проблема высшего церковного управления в России второй половины XIX века также получила широкое освещение. В качестве примера можно привести работу немецкого ученого И.К. Смолича, посвященную синодальному периоду истории Русской церкви¹⁸, биографические исследования о К.П. Победоносцеве американского историка Р.Вирнса и немецкого исследователя Т.Симона.¹⁹ Ц. Виттекер проанализировала отношение власти к Церкви в рамках уваровской триады²⁰. Особо следует отметить фундаментальную монографию истории приходского духовенства в XIX в. американского исследователя Г.Фриза,²¹ который ввел в научный оборот обширный материал о взаимоотношениях церкви и государства в России. Механизм функционирования Синода Фриз считает одной из причин неудач церковных

¹⁶Флоровский, Г.В., прот. Пути русского богословия / Г.В. Флоровский. – Париж, 1937. Репр.: Вильнюс, 1991.

¹⁷Карташев, А.В. Очерки по истории русской церкви / А.В. Карташев. – Париж, 1959. Репр.: М., 1993. – Т. 2.

¹⁸Smolitsch, I. Geschichte der russischen Kirche. 1700–1917 / I. Smolitsch. – Bd. 1. – Leiden, 1964; Bd. 2. – Wiesbaden, 1991.

¹⁹Byrnes, R.F. Pobedonostsev: His Life and Thought / R.F. Byrnes. – Bloomington, 1968 ; Simon, G. Konstantin Petrovic Pobedonoscev und die Kirchenpolitik des Heiligen Sinod 1880–1905 / G. Simon. – Gottingen, 1969.

²⁰Виттекер, Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Цинтия Х. Виттекер ; [пер. с англ. Н.Л. Лужецкой]. – СПб. : Акад. проект, 1999.

²¹Freeze, G.L. The Parish Clergy In Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform / G.L. Freeze. – Princeton, 1983.

реформ в XIX в. Он обратил внимание на дуализм власти в Синоде, несовпадение интересов светской и духовной бюрократии, неподготовленность церкви к соревнованию с другими отраслями управления, изолированный характер власти обер-прокурора Синода.

В трудах исследователей XIX – начала XX века положение Церкви анализировалось в отрыве от политических процессов и структуры государственного управления. Историки дореволюционного периода, аккумулировав обширный эмпирический материал, определили ключевые векторы последующего изучения темы. В современном научном дискурсе сложилась традиция изучения церковно-государственного взаимодействия в России, но среди исследований единичные работы посвящены анализу синодальной системы управления РПЦ на завершающем этапе ее существования.

Научная новизна исследовательской работы заключается в системном и комплексном анализе завершающего этапа синодальной системы управления РПЦ как целостного периода, характеризующегося нарастанием внутреннего кризиса. Представлена попытка выявления не только институциональных, но и внутрицерковных, идейных и социально-политических факторов разложения прежней модели. Реконструирована сложная и неоднозначная позиция Синода и церковной иерархии в условиях революции 1905-1907 гг.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в углублении научных представлений о динамике развития церковно-государственных отношений в России, уточнении положений, характеризующих кризис модели синодального управления. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении истории Русской православной церкви, а также государственного управления и общественной мысли в России.

Практическая значимость заключается в возможности применения положений настоящего исследования в учебном процессе (при подготовке курсов по отечественной истории, религиоведению, истории государства и

права), а также аналитической деятельности, связанной с современными вопросами взаимодействия Церкви, государства и общества.

Некоторые аспекты изучения выбранной темы нашли отражение в публикации автора: «Трансформация модели церковно-государственных отношений в России: от византийской «симфонии» к синодальной системе управления» в сборнике: «Традиционные общества: неизвестное прошлое» (Челябинск, 2026 г.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Петровская церковная реформа представляла собой радикальный разрыв с византийской концепцией «симфонии властей» и утвердила модель «государственной церковности», в рамках которой Церковь была превращена в один из институтов государственного управления.

2. В период конца XIX – начала XX вв. синодальная система управления РПЦ переживала глубокий внутренний кризис, обусловленный конфликтом между сохранявшимися элементами традиционного религиозного сознания и нарастающими процессами модернизации, секуляризации и политической дифференциации общества. Это проявилось в противоречии между формальным статусом Церкви как «господствующей» и её фактической подчинённостью светской бюрократии.

3. В период революционных событий 1905–1907 гг. Синод занимал противоречивую и неоднозначную позицию, балансируя между поддержкой государственного курса и стремлением к церковному обновлению. Это отразилось в его официальных посланиях, которые носили скорее аполитичный характер, не предлагая чёткой духовно-нравственной оценки революционных процессов.

4. Упразднение синодальной системы в 1917 году стало закономерным результатом в условиях краха традиционной модели общества и перехода к современному типу социальной организации, где Церковь была вынуждена искать новые формы существования в отделённом от государства статусе.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы. Первая глава посвящена генезису и институциональному развитию синодальной системы с 1721 г. до конца XIX века. Вторая глава детально анализирует кризис и деятельность Синода в период 1894–1917 гг., включая его реакцию на революционные события, дискуссии о реформе и постепенную утрату управленческой функции.

Глава I. Российская империя и церковь: трансформация синодальной модели в условиях модернизации

1.1. Становление государственной церковности

В XVIII веке начинает свой отчет новый период истории Русской Церкви, получивший название – синодальный, в соответствии с названием высшего органа церковного управления – Святейшего Правительствующего синода, учрежденного в феврале 1721 года. На основании проведенной реформы Церковь утратила былую независимость от светской власти. Ход и результаты преобразований стали своеобразной разделительной чертой в русской истории, а в данном случае и церковной: до Петра и после Петра, и как отмечает известный богослов и историк, последний обер-прокурор Святейшего Синода А.В. Карташев, привели к «своеобразной по своей новине эпохе в развитии Русской Церкви. И дело тут не в одной, и при том канонически дефективной, новизне формы высшего управления русской церковью, а в новизне правового и культурного принципа, внесенного в русскую историю с Запада, глубоко изменившего и исказившего нормальную для Востока «симфонию» между церковью и государством»²².

Впервые концепция «симфонии» властей получила закрепление в VI новелле императора Юстиниана Великого (535 г.), где был провозглашен принцип гармоничного союза между священством и царством: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием – священство и царство: первое служит божественному, второе управляет человеческим. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь»²³. Однако истоки этой концепции прослеживаются в более ранних церковных источниках. Так, в 104 правиле Карфагенского Собора (419 г.) указано: «Царскому человеколюбию предлежит заботиться, чтобы Кафолическая

²² Карташёв, А.В. Собрание сочинений: в 2 т. Т.2: Очерки по истории русской церкви / А.В. Карташёв. – М: ТЕПРА, 1992. – С.311.

²³ Corpus iuris civilis / R. Schoell, G. Kroll, rec. Berolini, 1895. Vol. 3.

Церковь, благочестною утробою Христу их родившая, крепостью веры воспитавшая, была ограждена их промышленiem»²⁴.

Развитие концепции «симфонии» можно проследить и в творениях святых отцов IV века. Святой Амвросий Медиоланский в письме к императору Валентиниану II подчеркивал: «Император находится в Церкви, а не над Церковью»²⁵.

Суть реализации данного принципа сводится к обоюдному сотрудничеству Церкви и государства, исключающее вторжение одной стороны в сферу компетенции друг друга при этом данные взаимодействующие институты, подобно телу и душе составляют единый организм. Как отмечает протоиерей Владислав Цыпин, в данной модели отношений «государство ищет моральной, духовной поддержки, молитвы за себя и благословения на деятельность, направленную на достижение целей, служащих благополучию граждан»²⁶. Государство создает благоприятные условия для миссии Церкви, которая, в свою очередь, духовно окормляет своих чад – граждан этого государства. Таким образом, принцип «симфонии» есть принцип взаимной свободы. Каждая из сторон организует свою деятельность самостоятельно, но от одновременного их «звучания» получается симфония. Важно подчеркнуть, что такая автономия не ведет к разобщению: для государства Церковь является его составной частью, а для Церкви государство есть внешнее историческое оформление жизни общества, входящего в состав Церкви.

В истории развития Византийского государства, прародителя данной модели церковно-государственных отношений существует целый ряд

²⁴ Поместный Собор - Карфагенский, Правило 104 // Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями.[Электронный ресурс]. – URL: <https://www.biblioteka-arhivarius.ru>

²⁵ Казаков, М. М. Епископ и империя : Амвросий Медиоланский и Рим. империя в. IV в. / М. М. Казаков. – Смоленск : Траст-Имаком : Смол. гуманитар. ун-т, 1995. – С.205

²⁶ – Владислав, протоиерей. Взаимоотношения Церкви и государства. Канонические принципы и историческая действительность / протоиерей Владислав – // Исторический вестник. – 2000. – № 5–6 (9–10). – С. 50.

примеров законодательно оформленных положений, отражающих сотрудничество двух взаимодополняющих институтов. Как подчеркивал известный исследователь церковного права А.С. Павлов, византийское законодательство строилось на тесной связи имперских установлений с церковными канонами. Императоры не только придавали силу государственного закона соборным решениям, но и наделяли епископов судебными полномочиями в сфере семейного права. Кроме того, за Церковью закреплялись особые имущественные права, а священство получало четко очерченный правовой статус. Особое внимание уделялось охране вероучения: борьба с ересями и расколами велась методами уголовного преследования, что ставило их на одну доску с тяжкими преступлениями против государства. «Все эти действия законодательной власти, – подводит итог А.С. Павлов, – в греко-римской империи вытекали из того принципа, что Церковь и государство, как тело и душа, составляют один организм, и что между ними должно быть постоянное взаимодействие для общего блага»²⁷.

В свою же очередь церковные каноны обрели политический характер и стали частью гражданского законодательства. С этого момента догматы, провозглашенные Церковью, и нормы закона стали частью единой системы источников законодательства в Византийской империи, а также духовно объединенных с ней народов, прежде всего – славян.

Выделяя ключевую роль Константинополя в создании рассматриваемой формы сотрудничества государства и Церкви, известный исследователь истории Византии Алексей Величко отмечает: «Будучи Империей-Церковью, Византия сформировала единственно возможную форму взаимоотношения между государством, олицетворявшимся с императорской персоной и иерархией. Речь идет о признании императора

²⁷ Павлов, А. С. Курс церковного права / А. С. Павлов. – Санкт-Петербург : Лань, 2002. – С.47.

земной главой Церкви, лицом, обладающим высшими управительными полномочиями во Вселенской Церкви»²⁸. По мнению автора, эта особенность стала главной основополагающей идеей византийской имперской православной государственности, которая ретранслировалась на становление симфонии властей в Московском государстве.

В основе отечественной религиозно-философской мысли лежит представление о симфонии властей, неразрывно сопряженной с принципом православной соборности. Митрополит Иоанн (Снычев) характеризует данный принцип как «основополагающий принцип державного устройства общества»²⁹. Исследователь выделяет ключевые признаки, присущие соборной государственности Древней Руси: неразрывность общественного, семейного и личного бытия на едином религиозно-нравственном фундаменте; монолитность государственного управления; целостность церковной иерархии; симфония властей, при которой, однако, «никоим образом не нарушается самостоятельность, единство и целостность каждой из властей, имеющих единый Божественный источник, но действующих в своих областях совершенно независимо»³⁰.

Таким образом, в русской религиозно-философской традиции симфония властей предстает как практическая реализация идеала соборности в контексте взаимоотношений Церкви и государства.

В течение долгого периода отечественной истории существовало незыблемое убеждение о тесной и органичной связи между Церковью и государством – двух неразделимых составляющих общественной жизни. Это не было просто абстрактной идеей, а глубоко укоренившимся представлением, отраженным как в народном сознании, так и в структуре и функционировании государственных институтов. Взаимодействие светской и

²⁸ Величко, А.М. Политико-правовые очерки по истории Византийской Империи / А.М. Величко. – М., 2008. – С. 25.

²⁹ Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Русь Соборная. Очерки христианской государственности / митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн. – С.-Пб.: Царское Дело, 1994. – С.158.

³⁰ Там же.

духовной властей на Руси не являлось искусственным наслоением, а напротив, представляло собой естественное состояние, присущее самой сути их взаимоотношений до определенного исторического рубежа, о котором пойдет речь далее. По мысли архиепископа Серафима (Соболева), принцип симфонии выступал основополагающей нормой для выстраивания отношений между Церковью и государственной властью в России, что подтверждалось всей полнотой русской действительности вплоть до ее нарушения царской властью во второй половине XVII века³¹. В этом отношении русское законодательство – как церковное, так и светское – оставалось наследником византийской правовой традиции.

Что же касается синодальной эпохи, то несомненное искажение симфонической нормы в два синодальных столетия церковной истории связано не с пережитками византизма. Определяющую роль сыграло проникновение протестантских концепций и модели государственной церковности. Укоренившись в российском правосознании и политической практике, эти доктрины существенно трансформировали характер взаимодействия светской и духовной властей.

В странах, где восторжествовала Реформация, в церковно-государственных отношениях доминировал принцип территориализма, подразумевающий абсолютный государственный суверенитет на определенной территории, включая религиозные общины. Основой этой системы был принцип «*cuius regio, ejus religio*» – чья власть, того и религия, официально закрепленный Аугсбургским религиозным миром 1555 года³². При идеальном осуществлении он предполагал удаление из государства приверженцев тех конфессий, в которых не состояли представители высшей государственной власти.

³¹ Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология / архиеп. Серафим (Соболев) ; отв. за вып. В. П. Пархоменко. – 3-е изд. – С.-Пб. : Изд-во им. А. С. Суворина, 1992. – С.67

³² Аугсбургский религиозный мир 1555 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 2005. С. 178-182.

Однако на практике утвердилась более либеральная форма реализации этого принципа – так называемая государственная церковность. В этой модели религиозная община, представляющая большинство верующих и к которой принадлежит глава государства (одновременно являющийся её верховным главой, как, например, английский монарх в Англиканской церкви), пользовалась особыми привилегиями государственной церкви. При этом меньшинствам могла предоставляться ограниченная религиозная свобода, особенно если они лояльно относились к власти.

Эта система привела к формированию национальных церковных моделей, «где религиозный и политический суверенитет оказались неразрывно связаны»³³. В Англии король стал главой Церкви, в скандинавских странах лютеранство приобрело статус официальной религии, а в германских землях князья определяли конфессиональную принадлежность своих подданных. Однако со временем жесткие рамки территориализма смягчались под влиянием Просвещения, что в итоге привело к утверждению принципов религиозной свободы и отделения церкви от государства в большинстве стран Западной Европы.

Создателем системы государственной церковности в России, фактически устранившей прежнюю симфонию Церкви и государства, явился Петр I. Ключевым этапом этой трансформации стала церковная реформа 1721 года, которая одновременно обозначила глубокий переворот в церковно-государственных отношениях, – было упразднено патриаршество и учрежден Святейший Синод как высший административный и судебный орган Русской Православной Церкви.

Однако намерения и планы Петра получили своё осуществление фактически еще до учреждения Синода, с учреждением же последнего они были определены законодательно, юридически.

³³ Тюшагин, В.В. Церковь и государство в эпоху Реформации / В.В. Тюшагин. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 134.

Смерть патриарха Адриана в 1700 году открыла новую страницу в истории Русской Православной Церкви. Последовавший за этим двадцатилетний период, когда патриарший престол оставался свободным, не был случайностью: «Это был сознательно выдержанный 20-летний перерыв в патриаршестве, в течение которого Петр I исподволь готовил церковную реформу».³⁴ Назначение митрополита Стефана (Яворского) местоблюстителем изменило привычную систему управления и стало прологом к Синодальному периоду, завершившемуся лишь в 1917 г. Однако, как подчёркивает исследователь П.В. Верховской, «уже в этот переходный период (1700-1721 гг.) стали очевидны основные черты будущей синодальной системы».³⁵ В отличие от патриарха, обладавшем полной самостоятельностью в церковных делах, местоблюститель патриаршего престола находился в ином положении. Он был обязан принимать решения только после обсуждения с епископами, которых для этой цели поочередно вызывали в Москву. Такое собрание постоянно сменяющих друг друга иерархов получило название Освященного собора.

Кроме того 24-го января 1701 года издан именной указ, в котором повелевалось: «дом святейшего патриарха и дома-жь архиерейские и монастырские дела ведать боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, а с ним у тех дел быть дьяку Ефиму Зотову, и сидеть в патриаршем дворе в палатах, где был патриарший разряд, и писать монастырским приказом, а в приказе большого дворца монастырских дел не ведать и прежняя дела отослать в тот же приказ»³⁶. Издание настоящего указа стало событием, обозначившим кардинальные перемены в управлении церковными делами. Передача хозяйственных и административных функций от местоблюстителя

³⁴ —, Владислав, История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005 / протоиерей Владислав — ; [ред. священник А. Г.]. — Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2010. — С.605.

³⁵ Верховской, П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент / П.В. Верховской. — Ростов-на-Дону, 1916. — Т. 1. — С. 45.

³⁶ Полное собрание законов Российской империи : [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. 1700-1712 : [№ 1740-2619]. — Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. — С.5.

патриаршего престола в Монастырский приказ знаменовала собой усиление государственного контроля над церковными финансами и имуществом. Фактически, это был шаг к секуляризации, ограничению экономической и политической власти церкви. Восстановление Монастырского приказа, упраздненного ранее, демонстрировало намерение Петра I централизовать управление церковными владениями и направить доходы от них на нужды государства. Сам император мотивировал эти меры необходимостью финансирования армии и флота. В инструкции Мусину-Пушкину прямо указывалось: «смотреть накрепко, чтобы монастырские доходы на непотребное не расточались».³⁷ Однако, по мнению митрополита Иоанна (Снычёва), «фактически это было началом превращения Церкви в государственное ведомство»³⁸.

Стоит особо подчеркнуть, что местоблюстителю патриаршего престола Стефану (Яворскому) были оставлены исключительно духовные дела, да и в этих рамках его полномочия подвергались существенным ограничениям. Как отмечает историк церкви С.Л. Фирсов: «фактически произошло расчленение единой патриаршей власти на отдельные функции, большая часть которых перешла к государственным учреждениям»³⁹. Так в процедуре избрания кандидатов на высшие церковные должности (в частности, на архиерейские кафедры) принимали участие и светские лица, среди которых были А.Д. Меншиков и И.А. Мусин-Пушкин. Последний управлял Патриаршей типографией и доводил до сведения митрополита указы царя, касающиеся вопросов церковного управления. Всё это свидетельствует о том, что влияние церкви на государственные дела было значительно ослаблено, а решения, касающиеся церковной жизни, принимались исключительно с учетом интересов государства.

³⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 237. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

³⁸ Иоанн (Снычёв), митрополит. Самодержавие духа / митрополит Иоанн (Снычёв). – Санкт-Петербург, 1995. – С. 178.

³⁹ Фирсов, С.Л. Православная Церковь и государство / С.Л. Фирсов. – Санкт-Петербург, 1996. – С. 89.

Следующим шагом в ограничении духовной власти стало учреждение правительствующего Сената в 1711 году, в ведении которого находились и церковные дела, о чем свидетельствует Высочайший указ от второго марта 1711 года: «Повелеваем, как духовным, так и мирским... быть послушным управительному сенату, как бы самому царскому величеству»⁴⁰. Таким образом, с этого момента Сенат вместе с освященным собором был допущен к участию в делах церкви.

В марте 1711 года Сенат совместно с Освященным собором утвердил ряд церковных правил. Согласно постановлению, устанавливался возрастной ценз для рукоположения (диакон – с 25, священник – с 30 лет). Запрещалось излишнее увеличение численности клира; в скудных приходах предписывалось не назначать диаконов, а количество священников следовало оставлять прежним. Выдача переходных грамот для службы в домовых церквях («на крестец») допускалась лишь в крайних случаях. Предписывалось тщательно проверять подлинность заречных челобитных, наличие помещичьей подписи и отписки поповского старосты. При испытании ставленников следовало проявлять строгость и отказывать не умеющим читать или косноязычным. Неповиновение архиереев каралось царской немилостью и отлучением от кафедры.⁴¹

В ведении Сената находился широкий круг вопросов церковного управления, включая возведение храмов и утверждение кандидатур на высокие духовные должности. Даже Стефан Яворский, имея поддержку церковного собора, не мог назначить архиерея без одобрения Сената. Назначение руководителей монастырей также находилось в компетенции правительствующего органа. Например, в 1718 году, после кончины архимандрита Фирса в Соловецком монастыре, именно Сенат назначил на его место старца этого же монастыря – Иону.

⁴⁰ Попов, В.И. О Святейшем Синоде и об установлениях при нём в царствование Петра I (1721–1725) / В.И. Попов. – С. 35.

⁴¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Т. 6. – № 2353.

В сфере церковной политики Сенат Российской империи преследовал двойную цель: не допустить углубления религиозного раскола и способствовать распространению православия в рамках официальной церковной доктрины. Для этого он отменял меры, способствующие расколу, и поддерживал обращение иноверцев в православие.

Одним из ключевых решений в этом направлении стал запрет на несанкционированное духовное книгопечатание в Малороссии, введенный в 1720 году. Поводом для такого решения послужили издания Киевской и Черниговской типографий, в которых обнаружили так называемую «люторскую противность» – элементы протестантского влияния в богослужебных текстах. Кроме того, в сенатском указе отмечалось, что эти типографии печатали учебные часословы по заказу старообрядцев, что противоречило политике унификации церковной жизни.⁴²

Сенат играл значительную роль в процессе христианизации нерусских народов, осуществляя комплекс мер по распространению православия среди языческого и мусульманского населения. В частности, данное учреждение предоставляло существенные налоговые льготы новообращенным и осуществляло финансовую поддержку церковного строительства. Ярким примером такой политики служит решение по ходатайству митрополита Казанского Тихона, согласно которому новокрещеным предоставлялись полные податные льготы, а также ежегодно ассигновалось 1000 рублей на строительство храмов. Как отмечает современный исследователь А.В. Журавский, «петровская эпоха заложила основы той модели миссионерства, которая сохранялась в России вплоть до 1917 года»⁴³. Однако, по мнению митрополита Илариона (Алфеева), «эта политика имела и обратную сторону -

⁴² Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. VI. – № 3711.

⁴³ Журавский, А.В. Христианство и ислам / А.В. Журавский. – М., 2001. – С. 89.

чрезмерную зависимость миссионерской деятельности от государственных структур»⁴⁴.

Особенно показательным примером расширения сенатских полномочий стало рассмотрение дел о религиозном диссидентстве, где Сенат действовал как высшая судебная инстанция, полностью игнорируя церковную процедуру. Яркими примерами служат: дело Тверитинова (1713–1723 гг.), в котором расследование велось специальной сенатской комиссией, церковные иерархи привлекались лишь в качестве экспертов, приговор выносился на основании светского законодательства⁴⁵; а также процесс над Кадминым (1714 г.), в результате анализа которого, решение было принято исключительно Сенатом, освященный собор не участвовал в судопроизводстве, в нарушение канонического права применялись светские меры наказания⁴⁶.

По данным А.С. Лаврова « в 1714–1721 гг. Сенат рассмотрел 24 дела о ересь, ни одно из которых не было передано на рассмотрение церковного суда»⁴⁷. Этот новый порядок фактически упразднял традиционное каноническое право Русской Церкви, заменяя его государственным законодательством.

Анализ источников позволяет также констатировать постепенную утрату значимости должности местоблюстителя после 1711 года. Хотя его присутствие на соборе 2 марта 1711 года документально подтверждено, оно не нашло отражения в протоколах заседаний.

Идея о неподсудности Церкви государству и её автономии, которую активно отстаивали высшие иерархи, исторически вступила в противоречие с

⁴⁴ Иларион (Алфеев), митр. Православие : в 2 т. / митр. Иларион (Алфеев). – Москва : Издательский дом «Познание», 2019. – Т. 2. – С. 341.

⁴⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 248 (Сенат и его учреждения). – Кн. 113. – Л. 412–413.

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗРИ I). – Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. V (1713–1719). – № 2863. – С. 598–599.

⁴⁷ Лавров, А.С. Религия в России : 1700–1740 гг. / А.С. Лавров. – Москва : Древлехранилище, 2000. – С. 312.

концепцией абсолютной власти монарха, сформировавшейся в эпоху Петра I. согласно которой все проявления независимой от государства жизни, включая церковную, должны были подчиниться верховной воле самодержца. Эта позиция нашла своё яркое отражение и нормативное закрепление в Духовном регламенте, созданном в 1721 году по поручению царя Петра I последователем императора епископом Псковским Феофаном Прокоповичем. Автор *Регламента* обосновывал преимущество коллегиального управления Церковью перед единоличным патриаршим правлением, утверждая, что оно «совершеннейшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство, наипаче же в Государстве Монаршеском, яковое есть Наше Российское»⁴⁸. В другом месте, защищая ту же мысль Регламент говорит: «от соборного правления не опасатся отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного. Ибо простой народ не ведаёт, како разнствует власть духовная от Самодержавной; но великою Высочайшаго Пастыря честию и славою удивляемый, помышляет, что таковой правитель есть то второй Государь Самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее Государство»⁴⁹.

Применяя принцип верховенства монарха к церковному управлению, Пётр I не только ограничил власть патриархов, но и поставил под сомнение саму идею неподсудности Церкви государству. В его сознании возникали образы прошлого – патриарха Филарета, фактически соправителя при Михаиле Романове, и Никона, бросившего вызов царю Алексею Михайловичу. Эти примеры показывали, что сильная церковная власть способна стать альтернативным центром влияния, угрожающим самодержавию.

Церковь при патриаршестве, обладавшая собственными правами и юрисдикцией, противоречила петровскому идеалу государственного

⁴⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том VI. № 3718.

⁴⁹ Там же.

устройства – отлаженного механизма, где каждый институт работает с часовой точностью. Духовенство же воспринималось как «непослушное колесо», нарушающее стройность этой системы. Чтобы устранить это противоречие, Пётр I интегрировал Церковь в общегосударственную структуру, поставив её в один ряд с другими административными учреждениями. Теперь её деятельность (за исключением чисто вероучительных вопросов) подлежала государственному контролю и юрисдикции, что окончательно закрепило подчинённое положение духовной власти по отношению к светской.

В феврале 1722 года Пётр I издал указ об учреждении должности синодального обер-прокурора – светского чиновника, наделённого полномочиями по надзору за деятельностью Святейшего Синода. Показательно, что инструкция для этой должности была практически полностью заимствована из документа, регламентирующего деятельность генерал-прокурора при Сенате (1722 г.), что наглядно демонстрировало единый принцип государственного контроля, как за светскими, так и за духовными учреждениями.

В петровской трактовке обер-прокурор определялся как «из офицеров добрый человек... оком государя и стряпчим по делам государственным»⁵⁰. Эта лаконичная, но ёмкая формулировка предельно чётко выражала суть церковной реформы: превращение Церкви в один из государственных институтов, деятельность которого должна была находиться под постоянным надзором монаршей власти. Фактически через фигуру обер-прокурора самодержец получал возможность непосредственного контроля за решениями духовного ведомства.

Петровские преобразования XVIII века ознаменовали радикальный разрыв с традиционной византийской концепцией симфонии властей, утвердив вместо нее модель государственной церковности, типологически

⁵⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том VI. № 4036.

близкую к протестантским княжествам эпохи абсолютизма. Как отмечает Г.В. Флоровский, это привело к тому, что «церковь превратилась в одно из государственных учреждений⁵¹. Ключевое отличие новой системы заключалось в кардинальном изменении баланса сил: если ранее Церковь и государство находились в относительном равновесии, то после реформ установилось безусловное доминирование светской власти.

Дореформенная ситуация, по характеристике А.В. Карташёва, основывалась на том, что «служение Богу и Церкви осознавалось как высший смысл существования государства всеми слоями общества - от великих князей до простого народа»⁵². Однако, как свидетельствует П.В. Верховской, после преобразований «правительство стало руководствоваться исключительно светскими соображениями, а религиозная санкция перестала быть обязательным условием государственной деятельности»⁵³.

В российской правовой традиции закрепился специфический термин «господствующая Церковь», отличающийся от классического понятия «государственная церковь». Это различие имеет принципиальное значение: термин подчеркивает принадлежность к вере большинства населения (в Российской империи - около 70% православных), позволяет избежать прямого указания на подчиненное положение Церкви, сохраняет определенную автономию в вопросах вероучения при государственном контроле административных функций.

Сравнительный анализ показывает, что подобная терминологическая модель сохраняется в современной Греции тогда как в других европейских странах с официальными религиями (Великобритания, Дания) используется термин «государственная церковь». Эта дифференциация, как отмечают

⁵¹ Флоровский, Г.В. Пути русского богословия / Г.В. Флоровский. – Париж, 1937. – С.37

⁵² Карташёв, А.В. Очерки по истории Русской Церкви / А.В. Карташёв. – М., 1992. – Т. 1. – С.67.

⁵³ Верховской, П.В. Учреждение Духовной коллегии / П.В. Верховской. – Ростов-на-Дону, 1916. – С.201.

исследователи, нередко становится поводом для двойных стандартов в международной оценке религиозной политики⁵⁴.

Особенностью российской системы было параллельное существование других привилегированных конфессий (прежде всего лютеранства в Прибалтике), которые, не будучи "господствующими", тем не менее занимали особое положение в имперской структуре. Как отмечает И.К. Смолич, «это создавало сложную многоуровневую систему конфессионального управления, где Православие сохраняло исключительный статус, но не монополию»⁵⁵.

Таким образом, Петровская модель церковно-государственных отношений просуществовала в России до 1917 года, оказав значительное влияние на формирование особого типа религиозно-политической культуры, где формальное главенство Православия сочеталось с его фактической подчиненностью государственным интересам.

Л.А. Тихомиров считал, что именно при Петре страну захлестнула волна тотальной европеизации, после которой «коренные русские основы» могли существовать только в форме глубинного национального инстинкта: «Когда стремление достичь европейского просвещения назрело до страстности – выразителем его явился точно также самодержавнейший Петр Великий, который стал не колеблясь на почву подражания Европе во всем – в образе жизни, в костюме, даже в языке, не остановился перед переносом к нам учреждений буквально списанных с шведских, и даже заставил пленных шведов организовывать их у нас, а для других учреждений руководствовался рецептами Лейбница, не имевшего о России ни малейшего понятия. Не остановился Петр даже перед ломкой церковного строя и своей собственной власти, поскольку в своей подражательно-просветительной ревности мог отрешиться от власти своей глубоко русской природы, по которой он, вопреки всем стараниям своим, оставался русским, православным и уже

⁵⁴ Мchedлов, М.П. Религиоведческие очерки / М.П. Мchedлов. – М., 2005. – С.56.

⁵⁵ Смолич, И.К. История Русской Церкви / И.К. Смолич. – М., 1997. – С.126.

особенно Самодержцем». ⁵⁶ Автор отмечал необоснованность подобных реформ и в какой-то степени превышение царских полномочий: «Значительная доля иерархии, без сомнения, была враждебна реформе Петра и мешала ей своим влиянием на народ. Петр имел право, как самодержец, принять меры к обузданию всякого сопротивления. Но он перешел в этом всякие границы. Не говоря о том, что последний патриарх был тише воды, ниже травы, а в иерархии образовалась уже огромная партия реформы – не говоря о том, что местоблюститель патриаршего престола не мог заслужить со стороны Петра никакого упрека, если не упрекать иерархию в православии, оставляя уже в стороне все эти обстоятельства, которые, с точки зрения самого придирчивого властителя, обеспечивали от всякой оппозиции, Петр во всяком случае превышал свои права. Он, как царь, мог не слушать епископов или казнить их. Но перестраивать Церковь для подчинения ее государству – не имел ни малейшего права»⁵⁷.

Петровские преобразования в церковной сфере представляли собой сложный синтез европейского рационализма и традиционного русского благочестия, породивший глубокие противоречия в национальном религиозном сознании. Как точно подметил Г.В. Флоровский, суть реформы заключалась «не в простом западничестве, но в радикальной секуляризации», что означало «не поворот, но подлинный переворот» в отношениях между Церковью и государством⁵⁸.

Парадоксальность петровских преобразований особенно ярко проявилась в личной религиозности монарха. Как отмечал И.К. Смолич, вопреки распространённым представлениям, Пётр сохранял глубокую приверженность традиционным формам благочестия: благоговейно почитал иконы и мощи, активно участвовал в богослужениях, демонстрировал

⁵⁶ Тихомиров, Л. Монархическая государственность / Л. Тихомиров. – Москва : Университетская типография, 1905. – Ч. 3. – С.204.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Флоровский, Г.В. Пути русского богословия / Г.В. Флоровский. – Париж : YMCA-Press, 1937. – С.444.

исключительное знание Священного Писания. Феофан Прокопович свидетельствовал, что император «и в разговорах богословских и других слышати и сам не молчати не токмо, как прочие обвыкли, не стыдился, но и с охотою тщался и многих в сумнительстве совести наставлял»⁵⁹. Однако эта личная набожность одновременно сочеталась с беспрецедентным вмешательством в каноническое устройство Церкви.

Критики петровских реформ, такие как архиепископ Серафим (Соболев), усматривали в них опасную протестантскую тенденцию: «Главное зло заключалось в том, что Пётр привил русскому народу протестантизм с его культом человеческого разума и свободы»⁶⁰. Митрополит Иоанн (Снычѳв) акцентировал внимание на разрушительных последствиях реформ для национальной идентичности: «Православная Церковь была унижена и ослаблена: ликвидирована каноническая форма управления, подорвано благосостояние духовенства, резко сокращено количество монастырей»⁶¹. Эти преобразования привели к искажению самой идеи самодержавия, которое из религиозного служения постепенно превращалось в западноевропейский абсолютизм.

Н.М. Карамзин, размышляя о последствиях петровских преобразований, пришел к парадоксальному выводу: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России»⁶². Эта формула точно отражает глубину духовного раскола, вызванного реформами, которые, с одной стороны, открыли Россию

⁵⁹ Смолич, И.К. История Русской Церкви. 1700–1917 / И.К. Смолич. – Москва, 1996. – С.203.

⁶⁰ Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология / архиеп. Серафим (Соболев). – Санкт-Петербург, 1992. – С..180.

⁶¹ Иоанн (Снычев), митр. Русская симфония / митр. Иоанн (Снычев). – Санкт-Петербург, 2002. – С.46.

⁶² Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – С.69.

европейским влияниям, с другой - нарушили органическую связь власти и народа через посредство Церкви.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что петровская реформа заложила основы той модели церковно-государственных отношений, которая, претерпевая модификации, сохранялась вплоть до 1917 года. Её главным результатом стало превращение Церкви в институт, функционально подчинённый политическим задачам государства, что существенно отличало российскую модель от классической византийской симфонии властей. Выявленная трансформация предопределила как последующий синодальный период, так и характер дискуссий о месте Церкви в дальнейшей судьбе России.

1.2. Реорганизация Святейшего Синода в послепетровский период: институциональные изменения и их последствия

После внезапной смерти Петра I Российская империя погрузилась в продолжительный период политической нестабильности, продолжавшийся почти четыре десятилетия. Причины, обусловившие эпоху дворцовых переворотов, по мнению историка С. Ф. Платонова, заключались : «с одной стороны, в состоянии царской семьи, а с другой – в особенностях той среды, которая управляла делами... Как бы то ни было, состояние царствующего дома делало престолонаследие случайным и открывало широкую дорогу для всякого рода посторонних влияний на порядок преемства престола. Посторонние влияния особенно процветали благодаря тому, что на престоле были или женщины, или малолетние государи,— условия, благоприятные для развития фаворитизма и личных влияний при дворе и государстве»⁶³. Сложившаяся ситуация не могла не отразиться на положении Святейшего Синода.

⁶³ Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории / С.Ф. Платонов. – СПб.: Сенатская типография, 1909. – С. 543, 562.

В церковных кругах этого периода наблюдалось глубокое противоречие: с одной стороны, сохранялась неприязнь многих архиереев к петровской церковной реформе⁶⁴, с другой - сама система синодального управления становилась инструментом в руках различных придворных группировок. Показательно, что даже Феофан Прокопович, главный идеолог «Духовного регламента», после смерти своего покровителя отошел от принципов коллегиальности, которые прежде активно отстаивал⁶⁵.

Членство в Святейшем Синоде в этот период определялось сложной системой факторов. Ключевое значение приобретали личные связи с влиятельными фаворитами и придворными группировками, что превращало назначения в инструмент политического влияния. Параллельно на кадровую политику существенно воздействовала эволюция взглядов монархов относительно места духовенства в системе государственной власти. Православная Церковь, даже находясь в роли государственного ведомства, продолжала пользоваться в обществе огромным влиянием, пренебрегать которым в атмосфере непрестанной смены монархов было никак нельзя. При этом проводимый правителями курс в церковных вопросах во многом определялся их индивидуальной степенью религиозности и уровнем духовной культуры.

1.2.1. Трансформация внутренней структуры и динамика влияния Святейшего Синода в высшем управлении делами Церкви

Указом от 8 февраля 1726 года Святейший Синод был подчинен Верховному Тайному совету, что ознаменовало его окончательное

⁶⁴ Смолич, И.К. История Русской Церкви. 1700–1917 / И.К. Смолич. –М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. –С.605

⁶⁵ Знаменский, П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года / П.В. Знаменский. – Казань: Типография Императорского университета, 1881. – С.345

включение в систему государственных учреждений и утрату остатков самостоятельности. Это решение стало логическим продолжением политики Петра I по огосударствлению церковного управления, но привело к ещё большей бюрократизации духовного ведомства. Последовавший 15 июля того же года императорский указ Екатерины I ввел радикальные изменения в структуру Синода, разделив на два самостоятельных апартамента – духовный и светский, ибо он «отягощен» и духовные дела находятся в запущенном состоянии: «Мы, подражая трудам его высокославной памяти государя императора, ко исполнению благого его намерения повелели ныне разделить синодальное правление на два апартамента: первый имеет состоять во шести персонах архиереев. Довольствоваться тем членам определенным жалованьем, а до епархий им ничем не касаться, дабы от того в надлежащем их управлении помешательства не было; и для того в епархии определить викариев, которые во всем ответ дать и рапортовать должны, а именно, о духовных делах – в первом, а о земских и об экономии – во втором апартаментах. В другом апартаменте быть суду и расправе, тако ж смотрению сборов и экономии и прочее тому подобное, по примеру преждебывшего Патриарша разряду и других тогда бывших в Патриаршем ведомстве приказов, и к тем делам определить повелели из светских шесть персон»⁶⁶. Вследствие этого изменения в организации Святейшего Синода епископы – члены Синода лишились части своих полномочий. Далее указ устанавливал подчинение Святейшего Синода Верховному Тайному совету: «А о которых духовных делах решения учинить будет им не можно, о том повелеваем доносить нам в Верховном Тайном совете, представляя свои мнения, а другому апартаменту доносить о тех делах, которые подлежат духовному рассуждению в Синод, а о светских делах Высокому Сенату»⁶⁷.

В течение 1726 года статус Синода претерпел несколько существенных изменений. 14 июля он утратил приставку «Правительствующий»,

⁶⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 6-е. – № 4919.

⁶⁷ Там же.

преобразовавшись в «Духовный Синод». А уже 26 сентября того же года его второй департамент был официально преобразован в Коллегию экономии синодального правления, что окончательно закрепило светский характер этого учреждения⁶⁸.

Структурные преобразования 1726 года привели к существенной модификации внутренней организации Синода. Члены первого (духовного) апартамента обладали равным статусом, что принципиально отличалось от прежней иерархической системы. После кончины местоблюстителя Стефана Яворского в 1722 году и ликвидации вице-президентской должности Синод фактически утратил четкую систему единоначалия. На этом фоне произошла передача основных рычагов управления от духовной камер-конторы (существовавшей с 1724 г.) к светской Коллегии экономии, что окончательно закрепило приоритет государства в управлении церковным имуществом. Эти институциональные изменения фактически означали ликвидацию оригинальной синодальной модели петровского периода, трансформировав её в принципиально новую систему управления церковными делами.

В начале правления Анны Иоанновны состав Святейшего Синода был крайне малочисленным: после смерти митрополита Иосифа (1726 г.) и отъезда архиепископа Афанасия (1727 г.) в нём оставалось лишь четыре члена. Ситуация изменилась 10 мая 1730 года, когда государственный указ предписал ввести в Синод шесть духовных лиц. Хотя Синод выдвинул восемь кандидатов, итогом стало полное обновление состава: 21 июля прежние члены были уволены. Новое Присутствие включило трёх епископов, трёх архимандритов и двух протоиереев. Ключевой фигурой в нем стал Феофан Прокопович, который фактически возглавил Синод, продолжая линию петровских реформ⁶⁹.

⁶⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 7-е. – № 4959.

⁶⁹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. – Т. 7. – № 2334, 2355.

В последующие годы численность Синода не была стабильной, что отражало как изменения в государственной политике, так и борьбу внутри церковной иерархии. Например, в 1738 году в нём состояло всего четыре члена, а в 1740-м – трое, что могло быть связано с политикой кабинет-министров, стремившихся ограничить влияние духовенства. Однако при Елизавете Петровне состав Синода расширился до пяти епископов и трёх архимандритов, что, объяснялось её стремлением вернуться к петровским традициям церковного управления.

После смерти Феофана Прокоповича его место занял архиепископ Новгородский Амвросий Юшкевич (1740-1745), который вместе с митрополитом Ростовским Арсением Мацеевичем безуспешно пытался восстановить упраздненную Петром I должность президента Синода. Эти попытки, отражавшие стремление части духовенства вернуть церкви хотя бы часть самостоятельности, потерпели неудачу, поскольку Елизавета Петровна, как и её предшественники, не желала допускать усиления церковной самостоятельности. Более того, в этот период окончательно закрепились практика, при которой все ключевые решения в церковной сфере принимались светской властью, а Синоду отводилась лишь роль исполнительного органа.⁷⁰

Согласно установлениям екатерининской эпохи постоянное присутствие в Синоде должны были составлять три епископа, два архимандрита и протоиерея. Для Московской синодальной канцелярии предполагалось наличие одного архиерея, двух архимандритов и протоиерея. Однако, как и в период правления Павла I, эти количественные нормы зачастую оставались лишь формальностью и систематически подвергались нарушению⁷¹.

На протяжении XVIII века состав Святейшего Синода неоднократно менялся, отражая политику монархов, внутрицерковную борьбу и попытки

⁷⁰ Барсов, Т.В. Святейший синод в его прошлом / Т.В. Барсов. – Санкт-Петербург: т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1896. – С.167.

⁷¹ Там же. С. 296–303

государства контролировать духовное ведомство. Несмотря на формальные предписания, реальная численность Синода часто отклонялась от установленных норм, что свидетельствует о его подчинённой роли в системе государственного управления. Колебания в количестве членов также отражают сложившуюся ситуацию, при которой церковная власть в России XVIII века оставалась инструментом в руках светских правителей, а не самостоятельным институтом.

Последующие изменения были введены уже в XIX веке. Процесс формирования Святейшего Синода к 1819 году прошел через два этапа: сначала сложилась традиция ротации, а затем она была закреплена законодательно с некоторыми коррективами. Формально указ от 9 июля устанавливал присутствие семи членов, включая как высших иерархов, так и представителей белого и черного духовенства (архимандритов). Однако фактическое формирование состава Синода складывалось из нескольких этапов.

Ранее, по именному указу от 12 июня 1805 года была введена практика срочных «командировок» для епархиальных архиереев. Это разрушило возможность формирования постоянного «синодального круга», сделав состав переменным. В такой системе постоянство сохранял лишь митрополит Петербургский, что делало его ключевой фигурой.

Реформа 1819 года расширила круг постоянных членов до трех (добавив митрополитов Московского и Киевского), но сохранила принцип сменяемости для заседателей из числа рядовых епископов. Интереснейшей трансформацией стало фактическое исчезновение архимандритов из заседательской коллегии – несмотря на нормы закона, эти места замещались исключительно епископами, что говорит о возрастающей роли епископата в синодальном управлении.

Особую роль в реформе синодальной системы сыграл обер-прокурор граф Н.А. Протасов в период правления Николая I. Он сознательно добивался более частой ротации членов Синода, чтобы предотвратить

возможную консолидацию церковной власти. В результате во второй половине XIX века сложилась устойчивая практика назначения заседателей всего на 2 года, и лишь в исключительных случаях - на 3 года. Эта система ротации обеспечивала контроль государства над церковным управлением и лишала Синод возможности вырабатывать последовательную и независимую политику.

Неприятие авторитарного стиля обер-прокурора Протасова вынудило митрополитов Московского и Киевского в 1842 году покинуть синодальные заседания, оставаясь формальными членами. С того времени и до начала XX века Синод формировался из лояльных обер-прокурору епископов, и только митрополиты Петербургский, Московский и Киевский входили в него на постоянной основе.

В 1835 году император Николай I принял решение о включении наследника престола великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II) в состав членов Святейшего Синода. Данное назначение представляло собой существенное отступление от канонических норм Православной Церкви, согласно которым высший орган церковного управления должен формироваться исключительно из архиереев. Уникальный случай в синодальной практике относится к 1835 г., когда членом Синода был назначен наследник престола Александр Николаевич. Инициатива императора встретила решительное неприятие со стороны архиереев, возглавленных митрополитом Филаретом, что вынудило великого князя впоследствии не принимать участия в заседаниях⁷².

В ходе административных преобразований первой половины XIX столетия произошла кардинальная трансформация статуса обер-прокурора Святейшего Синода, превратившая этот институт из формально надзирающего органа в ключевой элемент церковного управления. При этом наиболее существенные изменения произошли в период пребывания на этой должности князя А.Н. Голицына (1803–1817) и особенно графа Н.А.

⁷² Воспоминания и отзывы митр. Моск. Филарета // Русский архив. – 1907. – № 1. – С. 51.

Протасова (1836–1855), когда окончательно сформировалась новая модель взаимоотношений между светской и духовной властью. Канцелярия обер-прокурора полностью взяла на себя функции подготовки и оформления всех синодальных решений, оттеснив традиционную синодальную канцелярию от управленческого процесса. Члены Синода лишились возможности работать с исходными документами, получая для рассмотрения уже отредактированные материалы. Как отмечал священник М. Морошкин, изучавший архив Синода, в эпоху Николая I, «причиною сему был главнейше сам император, весьма не жаловавший отдельных мнений со стороны членов Синода и, если такие встречались, объявлявший за них через обер-прокурора свое неудовольствие, временами довольно резко»⁷³.

Согласно дневниковым записям архиепископа Саввы Тихомирова, вплоть до 1842 года сохранялась особая практика, согласно которой наиболее значимые церковные вопросы предварительно обсуждались в узком кругу: «Покойный владыка Филарет мне сказывал, что когда он присутствовал (до 1842 г.) в Синоде, каждое воскресенье, после вечерни, все члены Синода собирались к митрополиту Серафиму на вечерний чай, и в это время занимались предварительным обсуждением более важных вопросов по делам церковным, прежде нежели они окончательно решались в официальном заседании Синода»⁷⁴. Кроме того, автор критикует систему К. П. Победоносцева, при которой члены Синода лишь подписывали заранее подготовленные документы, не вникая в их содержание. Например, Устав духовных академий 1884 г. был принят без учёта предложенных поправок. Аналогичные методы использовал и преемник Победоносцева, В. К. Саблер⁷⁵.

⁷³ Котович, А.Н. Черты и условия развития русской богословской мысли в эпоху Николая I / А.Н. Котович // Христианское чтение. – 1906. – № 12. – С. 854–877.

⁷⁴ Савва (Тихомиров, Иван Михайлович; 1819–1896). Хроника моей жизни : Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1–9. – Сергиев Посад : 2-я тип. А.И. Снегиревой, 1898–1911. – 9 т.

⁷⁵ Там же.

Современники ярко характеризовали сложившуюся в конце XIX века систему церковного управления. Как отмечал в частной переписке архиепископ Никанор: «Вся сила в Константине Петровиче (Победоносцеве.– И. С.) и В. К. Саблере»⁷⁶. Еще более образную характеристику дал митрополит Киевский Платон (Городецкий), который в беседе с тем же архиепископом Никанором иронично констатировал: «У нас ведь два Синода: Святейший один, а Правительствующий другой»⁷⁷.

Юридически полномочия обер-прокурора действительно имели определенные ограничения - согласно действовавшим нормам, он не мог вмешиваться в сферу вероучения и канонического права. Исторические свидетельства подтверждают, что эти ограничения в основном соблюдались. Однако в области административного управления и текущего церковного управления влияние обер-прокурора было практически безграничным, что превращало его в действующего руководителя синодальной системы.

Таким образом, эволюция Святейшего Синода с 1726 по вторую половину XIX века представляет собой последовательный процесс трансформации церковного управления в государственное учреждение, где все ключевые решения принимались светской властью, а за духовенством оставались лишь представительские и исполнительские функции. Эта система, несмотря на формальное соблюдение канонических ограничений в сфере вероучения, привела к глубокой бюрократизации церковной жизни и утрате самостоятельности Русской православной церкви. Еще ярче этот процесс проявился в реформах законодательства и судебной системы.

1.2.2 . Правовой статус и административная компетенция Святейшего Синода

Правовой статус Святейшего Синода с момента его учреждения определялся его производным характером от верховной власти. Петровский

⁷⁶Собрание сочинений архиепископа Никанора Каменского / Никанор (Каменский). – Казань : типо-лит. Имп. Ун-та, 1909.

⁷⁷ Там же.

манифест 1721 года поставил законотворчество коллегии под прямой контроль императора: «Однако ж делать сие должна Коллегия духовная не без Нашего соизволения»⁷⁸, что в дальнейшем было закреплено в Сводах законов 1832 и 1857 годов.

Вступление в юридическую силу любых решений Синода всецело зависело от императорской санкции. Об этом недвусмысленно свидетельствует включение важнейших церковно-правовых актов – от уставов консисторий и духовных школ до норм, регулирующих жизнь духовенства, – в состав общегосударственного законодательства. Тем самым законодательно оформлялось отсутствие у Синода автономной власти: его постановления становились обязательными к исполнению только после высочайшего одобрения, приобретая форму императорских повелений, формально превращаясь в «именные повеления, принятые при участии Святейшего Синода»⁷⁹.

Особенно показательным является механизм принятия церковных законов: все инициативы сначала проходили через канцелярию обер-прокурора, затем рассматривались в государственных инстанциях, только после этого поступали на утверждение императору. При этом даже формально «синодальные» указы зачастую разрабатывались чиновниками Министерства народного просвещения (в случае учебных заведений) или Министерства внутренних дел (по вопросам управления приходами). В качестве характерного примера можно привести Устав духовных академий 1884 года – составленный в недрах синодальной канцелярии под руководством К.П. Победоносцева, этот документ поступил на утверждение Синода, уже будучи готовым, без участия архиереев. Вот как об этом пишет в своем дневнике архиепископ Савва (Тихомиров): «Преосвященный

⁷⁸ Петр I. Духовный регламент Петра Первого : с прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». – Москва : URSS, 2011. – 198 с.

⁷⁹ Растимешина, Т.В. Святейший Синод как инструмент реализации государственной политики церковного наследия в XVIII–XIX вв. / Т.В. Растимешина // Экономические и социально-гуманитарные исследования. –2016. –№ 1 (9). –С. 111–117.

митрополит Московский Иоанникий частным образом пригласил Холмско-Варшавского преосвященного Леонтия и меня образовать комиссию для пересмотра проекта Устава православных духовных академий, составленного в 1883 г. комитетом, состоявшим под председательством преосвященного Сергия, архиепископа Кишиневского... В продолжение пяти-шести заседаний нами внимательно рассмотрен был проект Устава и в нем сделано было немало изменений и дополнений, но при этом немало было и словопрений. <...>По окончании заседаний в конце сырной недели предложено было еще раз собраться на второй недели Великого поста для окончания суждения о сделанных нами замечаниях на проект устава; но это осталось без исполнения. Между тем в конце поста составленный нами проект устава академий внесен был митрополитом Иоанникием в Святейший Синод для подписания. Митрополиты Исидор и Платон подписали, не заглянув даже в переписанную набело тетрадь; преосвященный Ярославский Ионафан, не участвовавший в комиссии, хотел бы прочесть этот проект, но ему это не удалось. Таким образом, подписанный членами Синода проект был представлен чрез обер-прокурора на Высочайшее воззрение и 20 апреля 1884 г. был утвержден. Так-то совершаются у нас столь важные церковно-государственные реформы»⁸⁰

Законодательной базой для осуществления административных функций Святейшим Синодом послужили два ключевых документа петровской эпохи: вышеупомянутый манифест от 21 января 1721 года и «Духовный регламент». В последующий период эти полномочия были конкретизированы и дополнены рядом законодательных актов, среди которых особое значение имели Уставы духовных консисторий 1841 и 1883 годов, регулировавшие вопросы епархиального управления.

⁸⁰ Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Т.7: 1883-1885. – Сергиев Посад, 1907. – С. 153-154.

Особый порядок предусматривался для наиболее важных административных решений, требовавших высочайшего утверждения. В их число входили следующие кадровые и административные решения: назначение и освобождение от должности правящих и викарных архиереев, создание новых епархий, перемещение иерархов с одной кафедры на другую, увольнение и присвоение более высокого сана.

Вопросы дисциплинарного характера в отношении архиереев, как правило, решались самим Синодом. Однако в царствование Николая I сложилась практика, когда император лично делал выговоры епископам, минуя синодальные инстанции. Этот факт свидетельствует об особом характере взаимоотношений церковной и светской власти в данный период.

Надзор за деятельностью епархий и духовных учебных заведений осуществлялся через регулярные проверки, проводимые по инициативе Святейшего Синода. Согласно установленному порядку, при котором ревизии епархиальных учреждений поручались архиереям, а проверку академий и семинарий проводили специальные инспекторы из Духовно-учебного управления при Синоде.

Эта система получила нормативное закрепление в Правилах 1865 и 1911 годов, которые детально регламентировали порядок проведения проверок⁸¹. Однако анализ архивных материалов показывает, что представляемые ревизорами годовые отчеты зачастую носили формальный характер и не учитывались в полной мере при принятии управленческих решений⁸².

Результатами проверок становились вынесение выговоров и порицаний, частые переводы архиереев между кафедрами. Примечательно, что практика регулярного перемещения епископов, обусловленная существовавшей градацией епархий по значимости, прямо противоречила церковным канонам, категорически запрещающим переход архиереев с одной

⁸¹ Правила о ревизии : утв. в 1865 г. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1865. – С.134

⁸² Барсуков, И. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский / И. Барсуков. – М., 1883. – С. 692.

кафедры на другую⁸³. Тем не менее, на протяжении всего синодального периода подобные административные перестановки продолжали оставаться распространенной мерой воздействия.

В области церковного строительства Синод сосредоточил в своих руках исключительные полномочия. Так, открытие новых монастырей отныне требовало его непосредственного разрешения. Более того, с 1726 года утверждение проектов возведения новых храмов и часовен, а также проведения ремонта существующих, прежде входившее в компетенцию епархий, также перешло в исключительное ведение Синода. Лишь в 1858 году произошла некоторая децентрализация этих полномочий⁸⁴.

В 1808–1839 годах, в период функционирования Комиссии духовных училищ, полномочия Святейшего Синода в сфере контроля за духовным образованием были значительно урезаны. Это привело к упразднению комиссии и учреждению по инициативе графа Протасова Духовно-учебного правления, при котором фактическое руководство учебными заведениями сосредоточилось в канцелярии обер-прокурора, которая определяла ключевые кадровые вопросы, включая назначение ректоров, оставляя Синоду лишь формальное утверждение этих решений. Реформа 1867 года, преобразовавшая правление в Учебный комитет, не изменила сложившегося порядка управления⁸⁵.

Синод осуществлял управление всей церковной собственностью, включая монастырские владения, а также руководил деятельностью зарубежных миссий и приходов. В первой половине XVIII века, до восстановления Московской и учреждения Петербургской епархий, Синод непосредственно управлял Синодальной областью через Московскую

⁸³ Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Т.7: 1883-1885. – Сергиев Посад, 1907. –С. 557

⁸⁴ Новые духовные законы : руководство для православных священнослужителей, монашествующих и других лиц, с приложением подробных узаконений для церковных старост и попечительств : в 3 ч. / под ред. А. Е. Никольского. – Москва, 1883.

⁸⁵ Устав духовных академий от 1884 г. Ст. 20–22.

синодальную контору и Петербургской Синодальной епархией. В ведении Синода находились епархиальные учреждения - духовные управления в XVIII веке, преобразованные в XIX веке в духовные консистории.

Значительное усиление роли обер-прокурора в XIX веке выразилось в расширении состава и полномочий его канцелярии, которая с этого времени стала фактически определять все аспекты деятельности Синода, вплоть до мельчайших деталей. Такая система управления приводила к парадоксальной ситуации, когда формально высший орган церковного управления – Святейший Синод - на практике превратился в исполнительный орган при канцелярии обер-прокурора, который, будучи светским чиновником, не имел канонического статуса в церковной иерархии.

Серьезные изменения произошли и в положении Святейшего Синода как главной судебной инстанции, установленного «Духовным регламентом». Изначально в его юрисдикцию входили бракоразводные процессы (включая случаи принудительных браков), вопросы вероучения (ереси, расколы, отступничество от веры), а также нарушения церковной дисциплины.⁸⁶ Однако в послепетровский период началось последовательное ограничение этих полномочий - он сохранил право налагать наказания лишь за богохульство и супружескую измену.

В XVIII веке светская власть активно вмешивалась в сферу церковного судопроизводства. Особенно показательными были случаи при Анне Иоанновне, когда под государственным давлением принимались решения о лишении сана духовных лиц. Екатерина II окончательно изъяла из церковной юрисдикции дела о богохульстве и колдовстве, передав их в ведение светских судов.

В XIX веке продолжилась тенденция к ограничению церковной юрисдикции: Александр I передал в ведение светских судов даже дела о

⁸⁶ Петр I. Духовный регламент Петра Первого : с прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». – Москва : URSS, 2011. – 198 с.

нарушении богослужебного порядка, касавшиеся духовных лиц, хотя Николай I в 1841 году частично восстановил прежние полномочия церковного суда. Важным этапом стало издание Устава духовных консисторий 1841 года, который привел церковное судопроизводство в соответствие с общероссийским законодательством, зафиксированным в Своде законов 1832 года. Это окончательно оформило подчиненное положение церковного суда по отношению к государственной судебной системе.

Либеральные преобразования 1860-х годов, включая знаменитую судебную реформу 1864 года, поставили вопрос о необходимости модернизации устаревшей системы духовного судопроизводства. Однако к практической работе над этим вопросом в Святейшем Синоде приступили лишь в 1870 году, создав специальный реформаторский комитет под руководством архиепископа Макария (Булгакова). Деятельность комитета, проходившая под пристальным вниманием общественности и прессы, сразу же выявила глубокие разногласия между сторонниками обновления и хранителями традиций.

Консервативное крыло во главе с видным профессором канонического права А.Ф. Лавровым-Платоновым ((будущим архиепископом Алексием) решительно выступало против переноса в церковную сферу основного принципа судебной реформы – разделения властей. Они справедливо указывали, что в православной традиции епископ издревле совмещал административные и судебные функции. Либеральное же большинство комитета, поддерживаемое обер-прокурором графом Толстым, стремилось преодолеть злоупотребления и произвол в церковном суде.

Разработанный за три года проект предусматривал создание многоуровневой судебной системы с четким разграничением инстанций. Особую дискуссию вызвал вопрос о порядке назначения судей, особенно предложение об утверждении членов высшего суда императором, что

ставило сложные богословские вопросы о природе царской власти в церковных делах.

Жесткая критика проекта со стороны ведущих иерархов, включая архиепископов Агафангела и Платона, привела к его окончательному отклонению. Лишь в начале XX века, в ходе работы Предсоборного Присутствия, вопрос о реформе церковного суда был поднят вновь. Эта неудавшаяся реформа стала ярким примером противоречия между требованиями модернизации и верностью церковной традиции в синодальный период.

Таким образом, после смерти Петра I вектор развития государственно-церковных отношений претерпел существенную трансформацию. Святейший Синод, созданный в 1721 г. как высший орган церковного управления с широкими административными и судебными полномочиями, постепенно утрачивал свою первоначальную структуру и автономию. Эти изменения были обусловлены как общей тенденцией к централизации власти в руках новых политических институтов (Верховного Тайного совета), так и усилением роли обер-прокуроров, которые становились ключевыми проводниками государственной политики в церковных делах.

Глава II. Синодальная система управления Русской православной церковью на завершающем этапе ее существования (1894 - 1917 гг.)

Данная глава исследования посвящена комплексному анализу кризиса синодальной системы управления Русской православной церковью в последнее двадцатилетие ее существования. Хронологические рамки (1894–1917 гг.) охватывают ключевой период, когда нарастающие противоречия между церковной и государственной властью, выявленные в предыдущих параграфах научной работы, а также вызовы модернизации российского общества привели к краху системы, учрежденной Петром I, и подготовили восстановление Патриаршества.

2.1. Святейший синод в 1894-1905 годах: институциональные изменения и вызовы переходного периода

Период с 1894 по 1905 год оказался для Синода временем значительных вызовов, связанных с внутренними церковными реформами, борьбой с сектантством, а также нарастанием социально-политической напряженности, которая проявилась в событиях Первой русской революции. Параграф исследует деятельность Синода в указанный период, анализируя его административные решения и реакцию на общественные потрясения.

2.1.1. Государственная церковная политика и религиозно-нравственное состояние общества

Со смертью Александра III в 1894 году на российский престол вступил Николай II – последний император, чье правление завершилось революционной катастрофой. Отличительной чертой нового монарха являлось глубокое, искреннее благочестие, которое наложило определяющий отпечаток на государственно-церковную политику. Благодаря личному

участием государя в деятельности Святейшего синода появились новые тенденции, придавшие церковной жизни особую духовную направленность. В отличие от предшественников, Николай II демонстрировал высокую степень личной вовлеченности в дела Церкви, что выражалось не только в активизации миссионерства и поддержке духовных школ, но и в пересмотре подхода к канонизации. Достаточно отметить, что за первое десятилетие его царствования было прославлено больше подвижников, чем за предыдущие двести лет. Кульминацией этого процесса стала канонизация преподобного Серафима Саровского в 1903 году, ставшая не только значимой вехой в духовной жизни империи, но и зримым проявлением внутреннего единства царя, Церкви и простого народа. «По всей губернии, – вспоминал генерал А.А. Мосолов, – и особенно начиная от границы губернии, на десятки верст тянулись огромные вереницы народа. Говорили, что помимо окрестных жителей со всех концов России в Саров прибыло около 150 000 человек. Прибытие в Саров было удивительно торжественно. Колокольный звон, множество духовенства, толпы народа около Государя. Вечерня. На другой день самый чин прославления тянулся четыре с половиной часа. Удивительно, что никто не жаловался на усталость, даже Императрица почти всю службу простояла, лишь изредка присаживалась. Обносили раку с мощами уже канонизированного Серафима три раза вокруг церкви. Государь не сменялся, остальные несли по очереди...»⁸⁷

Император Николай II и члены его семьи являлись примером глубокой религиозности, что находило выражение, как в личном благочестии, так и в государственной деятельности. Особое внимание уделялось почитанию святынь – мощей и чудотворных икон.

На государственном уровне воцерковленность стала фундаментом систематической поддержки православных институтов. На личные средства императорской четы велось строительство храмов как в России, так и за её

⁸⁷ Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. – Москва : Вече, 2008. – С.181.

пределами, в частности, на Святой Земле, обеспечивалась работа Палестинского Православного общества.

Автор книги об убийстве Царской Семьи М.К. Дитерихс писал: «Чтобы проникнуть в глубину сознательной религиозности Царя и Царицы и объять полноту и целостность восприятия ими духовности начал учения Христа, мало прослушать свидетельства лиц, близко стоявших к ним, мало проштудировать их письма, записки, личную переписку, надо открыть принадлежавшие им книги Священного Писания и страница за страницей, строка за строкой тщательно проанализировать многочисленные отметки, сделанные ими в книгах, из коих некоторые, как Библия и Евангелие, читались, по-видимому, ежедневно и неоднократно. Отрекшись от предвзятостей, созданных молвой и «общественным мнением», подойдя к этой работе с искренним желанием познать, чья чистота и святость великих учений, постепенно, шаг за шагом, начинаешь получать представление о величественности, цельности и святости нравственно-религиозного мировоззрения, которыми были проникнуты существа Венценосных Супругов Российского Государства»⁸⁸.

Еще одним святым, высоко почитаемым царской семьей, стал праведный Иоанн Кронштадтский. В день памяти святого стало традицией проведение всенародных молитв, обращенных почившему. Почтенный как великий праведник, чудотворец и духовный наставник, он удостоился от царя таких слов: «По неисповедимой воле Божьей угас светильник Церкви Христовой и молитвенник за Землю Русскую – всенародно чтимый пастырь и праведник отец Иоанн Кронштадтский»⁸⁹.

Данные выводы императора были продиктованы не соображениями государственной целесообразности или политической выгоды, а его личными

⁸⁸ Дитерихс, Михаил Константинович. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале / М. К. Дитерихс. – Москва : Вече, 2007. – С.230.

⁸⁹ Новые мученики российские : Первое собрание материалов / Сост. протопресвитер М. Польский. – Jordanville (N. Y.) : Holy Trinity monastery, 1949. – С.199.

глубокими религиозными воззрениями, что находит подтверждение и в содержании царских резолюций по вопросам канонизации, которые отличаются содержательной глубиной. В качестве иллюстрации можно привести характеристику, данную монархом преподобной Анне Кашинской: «В течение всей своей жизни она была образцом христианской супруги и матери, отличалась христианской любовью к бедным и несчастным, проявляя искреннее благочестие, мужественно перенося всевозможные испытания»⁹⁰.

Важным направлением церковной политики стало и усиление миссионерской деятельности, которая находила поддержку не только со стороны государства и Синода, но и широкой церковной общественности. Институционализацией этого процесса стало проведение Миссионерских съездов, а также издание специализированного журнала «Миссионерское обозрение».

Особое значение приобрела деятельность Камчатской духовной миссии. К концу XIX века, несмотря на наличие 17 станов и отдельную христианизацию части коренного населения, уровень просвещения оставался крайне низким из-за недостаточного пастырского попечения. В быту население продолжали следовать языческим традициям, слушали своих шаманов, приносили в жертву духам оленей и ездовых собак.

Ситуация изменилась лишь в 1907 году после назначения настоятелем Корякской миссии иеромонаха Нестора (Анисимова). Его деятельность сочетала литургическую практику, перевод молитв и текстов на корякский язык, просветительскую работу, материальную и медицинскую помощь. По воспоминаниям миссионера, одним из главных препятствий для проповеди Евангелия на Камчатке было «нехристианское поведение местного русского населения Камчатки и иностранцев: чиновников, промышленников,

⁹⁰ Новые мученики российские : Первое собрание материалов / Сост. протопресвитер М. Польский. – Jordanville (N. Y.) : Holy Trinity monastery, 1949. – С.190

купцов»⁹¹. Язычники спрашивали миссионера: «А где же светлый Бог вон у тех, которые день и ночь шаманят за картами и вином, грабят нас и дают грабить другим», американцам и японцам»⁹².

Острой проблемой миссии являлся и недостаток финансирования, для решения которой по инициативе о. Нестора в 1910 году было учреждено Камчатское братство, получившее высочайшую и синодальную поддержку. Это позволило масштабировать деятельность: строить церкви, школы, лечебницы и приюты, доставляемые в разборном виде из центра России. К 1916 году миссия имела 35 церквей и 42 школы, а в 1916 году было образовано Камчатское викариатство, епископом которого стал возведенный в сан архимандрита Нестор.

Параллельно с внутренней политикой успешно развивалась деятельность за рубежом, наибольшее проявление здесь получила Японская духовная миссия под руководством равноапостольного Николая (Касаткина). Преодолев первоначальное культурное отчуждение и продолжительный период глубокого изучения языка и традиций, он заложил основы Православной Церкви в Японии. Как вспоминал священник: писал: «Тогдашние японцы смотрели на иностранцев, как на зверей, а на христианство, как на злодейскую церковь, к которой могут принадлежать только отъявленные злодеи и чародеи»⁹³.

Церковная политика в «Стране восходящего солнца» включала создание переведенного на японский язык богослужебного корпуса, строительство собора в Токио, организацию семинарии и развитие сети общин, отличавшихся высокой степенью самостоятельности. В конце 1869 года иеромонах Николай докладывал в Петербурге Синоду о первых

⁹¹ —, Владислав, История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005 / протоиерей Владислав — ; [ред. священник А. Г.]. — Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2010. — С.465

⁹² Там же.

⁹³ Смирнов, С.И. Жития русских святых. Март / С. И. Смирнов. —Псково-Печерский монастырь: Изд-во Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2007. —С.68.

результатах своей проповеднической деятельности и ходатайствовал об учреждении Миссии. Синод принял решение «образовать для проповеди между японскими язычниками слова Божия особую Российскую Духовную Миссию»⁹⁴.

Серьёзным испытанием для молодой Японской православной церкви стали события предстоящей Русско-японской войны. Святитель, будучи патриотом, сохранял личную молитву за победу России, однако сознательно устранился от участия в общественных богослужениях, где возносились прошения о победе японской армии. В то же время он благословил японскую паству оставаться лояльной своему государству, чтобы избежать обвинений в предательстве. Такая позиция позволила православным общинам избежать гонений, а сам архиерей заслужил глубокое уважение японского общества. Ему было дозволено посещать лагеря с русскими военнопленными. Кроме того, за самоотверженное служение в военный период он был возведён в сан архиепископа.

Преемником просветителя Японии стал епископ Сергей (Тихомиров) впоследствии удостоенный сана митрополита. Вступая на кафедру, епископ сказал: «Все, что есть в Японской Церкви доброго, до последнего христианина в церквях, до последнего кирпича в постройках, до последней буквы в Богослужебных переводах, есть дело просвещенного ума, широкого сердца и твердой, как скала, воли почившего святителя, счастливо сочетавшихся с непоколебимой верою его в святость своего дела и с благочестивым его жизненным подвигом».

К концу жизни праведника паства насчитывала свыше 33 тысяч человек. Мудрая позиция святителя в период русско-японской войны, благословившего своей японской пастве оставаться лояльными гражданами, сохранила Церковь от репрессий.

Одновременно была образована Русская духовная миссия в Корее, первоначально ориентированная на окормление русской населения, но

⁹⁴ Там же.

постепенно перешедшая к проповеди среди корейцев через открытие школ, перевод книг и создание миссионерских станов. Её деятельность, прерывавшаяся в годы русско-японской войны, возобновилась в 1906 году с новым составом во главе с архимандритом Павлом (Ивановским). Под его руководством была введена обязательная катехизация и экзаменационный допуск к крещению, продолжил работу по переводу текстов и расширению миссионерской инфраструктуры. Последующее руководство архимандритов Иринарха и Феодосия (Перевалова) ознаменовалось дальнейшим укреплением позиций миссии, что было отмечено празднованием её 25-летия в 1925 году.

Таким образом, на рубеже XIX–XX веков внешняя миссия Русской православной церкви в Японии и Корее эволюционировала от просвещения русского населения к целенаправленной проповеди среди местного населения, прежде всего через создание устойчивых церковных институтов. Деятельность миссий, несмотря на геополитические кризисы, заложила основы для долговременного присутствия православия в регионах Восточной Азии.

В рамках анализа внутрироссийского просвещения и развития духовного образования особый научный интерес представляет изучение материалов «Отзывов» епархиальных архиереев 1905 года инициированных Святейшим Синодом⁹⁵. Материалы отражают системный кризис духовной школы, который выражался в высоком показателе численности покидавших учебные заведения воспитанников. Статистика начала XX века показывает, что за период 1900–1910 гг. число выпускников духовных академий превысило 1600 человек. Тем не менее, к 1911 году служение на приходах несли менее 700 священников с образованием, и у значительной части из них срок выпуска приходился на XIX век. Духовные семинарии также испытывали на себе влияние социально-политической нестабильности:

⁹⁵Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : в 2 ч. / Коллектив авторов. –М. : Издательство Крутицкого подворья, 2004. –1040 с.

волнения, доходившие до забастовок против администрации, к 1905 году охватили около 18 учебных заведений.

Ряд представителей духовенства давали самую мрачную характеристику всей системы духовного образования. В частности, Архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) писал: «Строй духовно-учебных заведений, как унаследованный из мира западных еретиков, приводит дело Духовной школы до крайнего безобразия»⁹⁶.

Но существовал и другая оценка, дающая характеристику состоянию духовного образования в рассматриваемый период. Большинство оказались в лоне идей, поддерживающих проект реформы, ранее выдвинутый архиепископом Димитрием (Муретовым). Концепция включала выделение двух типов семинарий: пастырские школы, открытые для всех сословий, и общеобразовательные учебные заведения для детей духовенства, что было призвано решить проблему низкой мотивации части учащихся. Нецерковные, а часто и прямо нигилистические настроения вносили в Семинарии те выходцы из духовных семей, кто учился в них не потому, что хотел посвятить себя пастырскому служению, а потому, что в Семинариях, в отличие от гимназий, образование для них было бесплатным.

Особую дискуссию с выявлением различных подходов вызывал вопрос о высшем духовном образовании. Так, архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский) был сторонником академической автономии при условии подчинения епископу-ректору, тогда как митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) провозглашал идею профессора Н.Н. Глубоковского о создании богословских факультетов при университетах⁹⁷. Между тем, Архиепископ Антоний (Храповицкий) на сокращении в академических программах преподавания богословских систем и расширить изучение

⁹⁶ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : в 2 ч. / Коллектив авторов. – М. : Издательство Крутицкого подворья, 2004. – 1040 с.

⁹⁷ Мангилёв, П. И. Богословское образование – важнейшая часть гуманитарного знания, не имея которой российское образование не может считать себя полноценным / П. И. Мангилёв // Дискуссия. – 2016. – № 9 (72). – С. 6–14.

Священного Писания и отцов, ссылаясь на то, что прежде всего стоит тщательно изучать источники⁹⁸.

Итогом длительной дискуссии являлся ряд мероприятий состоявшейся уже в 1908 году ревизии академий, которая выявила «светский дух» и либеральные тенденции. В результате, частичная автономия, предоставленная Академиям в 1906 году, была отменена. А новый Устав ужесточил дисциплинарные и религиозно-нравственные требования к студентам и преподавателям, предусмотрел обязательный епископский сан для ректора и расширил административные полномочия церковной власти над учебными заведениями. Документ отмечал важность соблюдения постов студентами. Несмотря на комплекс мер, проблема преобладания мирян в профессорско-преподавательском составе сохранялась.

Общая политическая нестабильность непосредственно сказывалась и на духовном состоянии общества, проявляясь в отчуждении от Церкви городской бедноты и стремительном росте протестантских сект, особенно баптизма, что представляло серьезный вызов традиционному укладу.

Среди интеллигенции также происходили противоречивые процессы. С одной стороны, её политически активная часть была охвачена антиклерикальными настроениями, превратив явную оппозицию главной общественной темой. С другой стороны, наблюдался феномен «богоискательства» – возвращения части образованного класса к вопросам веры, хотя часто эта тяга носила несколько легкомысленный характер, как заметил Д.С. Мережковский, обвинявший академическое богословие в серой будничности «Для нас христианство в высшей степени неожиданно, празднично. Вот мы именно эти непризванные, не приглашенные на пир, – прохожие с большой дороги... а мертвая академическая догматика – это старая, верная прислуга Хозяина, которая не пускает нас. Мы пришли радоваться празднику, а богословы слишком привыкли к христианству. Оно

⁹⁸ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : в 2 ч. / Коллектив авторов. – М. : Издательство Крутицкого подворья, 2004. –С.142–143.

для них серо как будни». В этих словах все больше звучал новый, эстетический уклон религиозной мысли, который шел на смену прежней традиции. Интеллигенция возвращалась в Церковь без должного смирения, не сколько для того, чтобы спастись в ней и учиться у нее, сколько, чтобы учить и попытаться реформировать на свой вкус.

Церковь, в лице наиболее чутких своих пастырей, стремилась к диалогу, что проявилось в создании Санкт-Петербургских религиозно-философских собраний (1901–1903) под руководством епископа Сергия (Страгородского). Данный диалог духовенства и интеллигенции несмотря на взаимное непонимание и последующее закрытие собраний по инициативе обер-прокурора К.П. Победоносцева, стал хотя и несовершенной, попыткой общения, где впервые со стороны интеллигенции прозвучала идея о необходимости созыва Поместного Собора.

Параллельно наблюдалась трансформация устоявшегося облика самого духовенства. Прослеживался рост его общественной активности, прежде всего проявлявшейся через деятельность священнослужителей в Государственной Думе. Данные свидетельствуют о постепенном изменении положения духовенства как «запуганного сословия», сложившегося в результате реформ XVIII века.

Разрушался и замкнутый сословный характер русского духовенства, а в священнический чин и даже в архиерейство все чаще приходили выходцы из дворянства, купечества и крестьян. Об этом можно сделать вывод исходя из материалов о сословном происхождении архиереев первой половины XX века. Преобладающее большинство по-прежнему уже по рождению принадлежало духовному чину. Хотя большинство иерархов по-прежнему происходили из духовного сословия, появляются и выходцы из других слоёв: например, митрополит Серафим (Мещеряков) и епископ Павлин (Крошечкин) были из крестьян; Патриарх Алексей (Симанский), митрополиты Антоний (Храповицкий), Серафим (Чичагов), Серафим (Александров), Трифон (князь Туркестанов), епископ Андрей (князь

Ухтомский) принадлежали к дворянству. Для сравнения, в XIX веке среди епископов лишь Игнатий (Брянчанинов) и Ювеналий (Половцев) имели дворянское происхождение.

В этот же период вопреки бюрократизации церковного управления, в данный период сохранялись и развивались очаги монастырского служения. Такие монастыри, как Оптиная и Глинская пустыни, Валаам, Саров, Дивеевская и Шамординская обители, а также скиты Троице-Сергиевой Лавры (в особенности Гефсиманский), оставались средоточием старческого подвижничества и духовного обновления.

Таким образом, правление императора Николая II представляет собой сложный и противоречивый период в истории Русской Православной Церкви, характеризующийся одновременным наличием мощных созидательных процессов и глубоких системных кризисов. Личное глубокое благочестие монарха способствовало беспрецедентной по масштабам канонизации святых, активной поддержке внутренней и внешней миссии и православному просвещению малочисленных народов и активного храмостроительства.

Парадоксальным образом, именно в этот период особенно явственно проявилось противоречие между благочестивостью монарха и сохранявшейся государственно-бюрократической системой управления церковью через обер-прокуратуру. Несмотря на духовные устремления царя, Синод продолжал функционировать как государственное учреждение, а обер-прокуроры К.П. Победоносцев (до 1905 года) и его преемники сохраняли жесткий контроль над церковным управлением. Эта двойственность особенно ярко проявилась в период революционных событий 1905 года, когда Синод был вынужден совмещать поддержку государственного курса с поиском путей церковного обновления, чему и будет посвящен следующий пункт настоящего параграфа.

2.1.2. Реакция Церкви на социально-политический кризис 1905 года

Начало XX века ознаменовалось для России глубоким кризисом, сопровождавшегося событиями Русско-японской войной и нараставшими внутренними конфликтами. В этих условиях Синод активно включился в идеологическую поддержку государственной политики. Вскоре после событий 9 января 1905 года, получивших название «Кровавое воскресенье», Святейший Синод предпринял ряд мер. Уже 12 января вышло определение о возобновлении во всех храмах особых молитв, установленных в 1881 году после гибели Александра II; в них содержались прошения об искоренении «неистовых крамол супостатов» и ниспослании мира⁹⁹.

Через два дня Святейший Синод обратился к пастве с официальным посланием «по поводу беспорядков рабочих». В этом документе стачки и уличные волнения подвергались однозначному осуждению. В тексте подчёркивалось: «Святейший Синод, скорбя о пагубных нестроениях в современной жизни русского народа, именем святой матери – Церкви православной умоляет всех чад её: «Бога бойтесь, царя чтите и всякой власти, от Бога поставленной, повинуйтесь»¹⁰⁰. Синод призывал рабочих не поддаваться на провокации «ложных советников», а власть имущих – управлять согласно принципам христианской морали. Это послание отражало официальную позицию церкви как оплота самодержавия и социальной стабильности.

Уже на следующий день после кровавых событий рабочие Путиловского завода обратились к митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию с просьбой о встрече. Владыка принял их 12 января, и тогда же

⁹⁹ Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. – 1905. – № 3. – С. 31–32.

¹⁰⁰ Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии: офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений : еженед. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. – Г. 31, 1905, № 27. – 1905. – № 3. – С. 85–87.

была достигнута договоренность о его визите на предприятие. Посещение состоялось 23 января: перед молебном в заводском храме архипастырь произнес проповедь, стараясь успокоить рабочих. В своей речи митрополит признал: вера многих прихожан оказалась поколеблена трагедией, а доверие к государю – серьезно подорвано.

В течение всего 1905 года революционные беспорядки принимали всё более широкий размах. Социальная база протеста вышла далеко за пределы рабочего класса, включив в себя крестьянство (волнения в 1/3 уездов) и часть вооруженных сил. В сложившихся условиях социальной напряженности и нараставшего политического кризиса император Николай II пошёл на уступку, издав 6 августа 1905 года Манифест об учреждении законосовещательной Государственной думы. Вместе с тем, было принято решение об утверждении положения о выборах, которое, однако, исключало участие в избирательном процессе широких слоев населения: военнослужащих, учащихся, рабочих, ремесленников и батраков¹⁰¹. Законодательный проект, получивший в народе название «булыгинской думы» по фамилии министра внутренних дел А.Г. Булыгина, столкнулся с активным сопротивлением. Его отвергли как левые политические силы, так и широкие народные массы, что в итоге сделало попытку созвать данный орган невозможной.

Правительство императора столкнулось со сложнейшим стратегическим выбором: продолжать вести с января 1904 года затяжную Русско-японскую войну или заключить мир, чтобы высвободить ресурсы для стабилизации обстановки внутри страны. 23 августа 1905 года в американском Портсмуте был подписан мирный договор, официально завершивший войну. Несмотря на поражение, российским дипломатам удалось добиться относительно мягких условий: основные территориальные

¹⁰¹ Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии Офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений, Еженед. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. Г.31 1905, № 32. – 1905.– № 3. –С. 993–995.

потери ограничивались сферами влияния в Маньчжурии и Корее, а также южной частью острова Сахалин и Курильскими островами. В результате власти удалось временно снять одно из ключевых раздражающих общество факторов.

Нарастающее недовольство поражением в Русско-японской войне российское общество адресовало царскому правительству. Громкая военная неудача послужила неким катализатором, давшим толчок революционному движению осенью 1905 года, приобретшего массовую организованность. Протестная активность переросла в качественно новую фазу: локальные забастовки, требования которых в преобладающем большинстве случаев носили политический характер, слились в единую стачку, объединившую крупнейшие промышленные центры. Таким образом, в стране сложилась патовая ситуация: революционные силы не обладали достаточной силой, чтобы свергнуть режим, а правительство, в свою очередь, утратило возможность централизованного подавления протестов.

7 октября 1905 года Москва была охвачена всеобщей стачкой. К забастовке присоединились ключевые центры инфраструктуры: железные дороги, а также фабрично-заводские предприятия. В последующие дни остановка работы парализовала другие городские объекты: прекратили работу коммунальные службы, учебные заведения, почта и телеграф. В условиях нарастающего хаоса, 16 октября, по распоряжению митрополита Московского Владимира (Богоявленского) во всех храмах города было зачитано специальное поучение, составленное епископом Серпуховским Никоном (Рождественским), в котором виновниками «тяжёлых последствий» забастовок объявлялись «социал-демократы-революционеры, давно отрекшиеся от Бога». Паству призывали отвернуться от них, как от «ядовитых гадин», и молиться Пресвятой Богородице «о несчастных братьях,

смуту увлечённых на погибельный путь»¹⁰². Таким образом, высшее духовенство открыто призвало к противодействию революции.

Стоит заметить, что провозглашенная в документе позиция не была в полной мере поддержана священноначалием: значительная часть московского приходского духовенства отказалась зачитывать поучение, а некоторые публично отмежевались от его содержания¹⁰³. Уже спустя неделю, 23 октября, митрополит Владимир на страницах газеты «Русское слово» принёс извинения за резкий тон первоначального послания и выпустил новое, которое, по оценке современников, было выдержано в духе примирения¹⁰⁴.

Стремясь избежать открытой конфронтации с какой-либо политической группировкой и снизить внутреннюю напряжённость в Церкви, Святейший Синод сделал сознательный шаг к нейтралитету. 22 октября 1905 года было принято определение, кардинально отличавшееся от выступлений московских архиереев. В нём духовенство призывалось наставлять паству «действовать в духе христианского всенародного братолюбия»¹⁰⁵. Таким образом, отказавшись от прямой поддержки правительства и от прямого обличения революционеров, Синод взял последних под своеобразную «негласную» защиту.

23 октября (по старому стилю) был опубликован «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка», который декларировал предоставление населению гражданских свобод. Спустя несколько дней Святейший Синод выступил с обращением к пастве, разъяснявшим суть этого документа. В своём послании Синод не только

¹⁰² Московские ведомости. М., 1905. № 275. С. 1–2.

¹⁰³ Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии Офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений, Ежегод. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. Г.31 1905, № 1. – 1906.. –С. 7

¹⁰⁴ Тихомиров, Л. 25 лет назад. Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. М.; Л., 1930. Т. 3 (40). Октябрь. – С. 91.

¹⁰⁵ Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. –1905. –№ 44. –С. 499

подробно изложил основные положения манифеста, но и отметил, что политические реформы стали следствием достигнутой народом «меры общественной зрелости». Духовенство призывало паству оправдать доверие монарха и использовать дарованные свободы не для «своеволия и буйства мятежного», которые ведут к братоубийственной вражде, а для созидания «мира и любви», распространяя эти принципы и на иноверцев. Примечательно, что в документе также содержалось строгое предупреждение в адрес сторонников правомонархических движений: «Тяжкий грех берёт на свою душу тот, кто думает мятежом и насилием сослужить верную службу своему Государю. Он послужит лишь тайным или явным Его врагам»¹⁰⁶. Эта фраза была прямым откликом на волну еврейских погромов, прокатившуюся по городам средней и южной территориях империи, и означала осуждение Синодом насильственных методов «защиты престола».

Вышеупомянутые послания Святейшего Синода отличались поразительным умолчанием по ключевым вопросам текущего политического положения. В документах не было дано никакой оценки деятельности революционного движения: мирян не предостерегали от вступления в радикальные организации, не разъясняли их антимонархические цели. Синод не счёл нужным как-либо комментировать символы и лозунги революции: ни повсеместные демонстрации под красными знамёнами, ни призывы «Долой царя!», ни массовые акты осквернения царских портретов – изображений помазанника Божия, – которые являлись прямым оскорблением чувств православных верующих. Это сознательное замалчивание можно трактовать как стратегический нейтралитет, граничащий с негласной терпимостью. Кроме того, анализируя данные факты через призму коммуникативного подхода исторического процесса можно отметить, что, будучи формально хранителем «определённого» религиозного формата, сами иерархи уже

¹⁰⁶ Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. –1905. –№ 44. –С. 499

действовали как субъекты «неопределённого» современного общества, где религиозная догма перестаёт быть абсолютным императивом, уступая место прагматическому расчёту.

Избранная Святейшим Синодом позиция стала быстро распространяться на местах. Так, 19 ноября в официальном печатном органе Русской Православной Церкви были освещены поучения ряда епископов. Центральной темой этих документов было осуждение еврейских погромов. Например, епископ Подольский Парфений (Левицкий) наставлял священников своей епархии активно содействовать умиротворению: при возникновении антиеврейских беспорядков выходить к толпе в священническом облачении с крестом и «силою убеждения укрощать буйствующую толпу»¹⁰⁷. О том, чтобы аналогичным образом препятствовать антиправительственным демонстрациям, в этих документах не упоминалось.

Как и в синодальных посланиях, в поучениях отсутствовало прямое осуждение революционеров, предостережения об антигосударственном содержании их деятельности и не звучал традиционный призыв к защите основ русской государственности в её исторически устоявшихся формулировках («Православие, Самодержавие, Народность»; «За Веру, Царя и Отечество»). Подобная позиция РПЦ вызвала резкую критику со стороны монархических кругов, в результате чего на объединённом собрании правых партий в Киеве синодальные акты были охарактеризованы как «проникнутые космополитизмом» и представляющие собой фактическую поддержку революционеров, поскольку оставили их деятельность без оценки. По мнению правых, Синод, дав таким образом пример для нескольких тысяч священников, обрек духовенство на молчание: одни не понимали происходящего, другие боялись говорить, а третьи, открыто призывали народ к революции¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Прибавления к Церковным ведомостям. – СПб., 1905. – № 47. – С. 1991–2000.

¹⁰⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 550 (Митрополит Новгородский и Старорусский Арсений). Оп. 1. Д. 202. Л. 1–2.

Несмотря на усиленные попытки властей стабилизировать обстановку, революционные выступления осенью и зимой 1905 года не только продолжались, но и значительно расширилась территория главных очагов восстаний. К локальным военным мятежам в Кронштадте и Севастополе добавился пик крестьянских волнений, охвативших половину всех уездов Европейской России. Ярким событием в череде вооруженных всплесков стало вооружённое восстание в Москве, начавшееся 7 декабря и продлившееся почти две недели, что послужило сигналом к выступлениям в крупнейших промышленных центрах империи. Масштаб протеста оставался массовым: общее число бастующих в этот период составило около 500 тысяч человек, при этом подавляющее большинство забастовок имело отчётливую политическую направленность. Несмотря на этот широкий размах, все очаги сопротивления были последовательно подавлены правительственными войсками, что позволило к началу 1906 года на время восстановить контроль над ситуацией в стране¹⁰⁹.

В период вышеупомянутого восстания Святейший Синод издал постановление о проведении в течение всех праздничных богослужений специальных молебнов с молитвой о прекращении в стране «раздоров, нестроений и междоусобной брани»¹¹⁰. Однако уже 20 декабря общий характер заявлений высшего церковного органа резко ужесточился в ответ на сообщения о священниках, поддерживавших революцию. Синод выпустил определение «По сведениям о предосудительном поведении некоторых священников», в котором констатировал факты антиправительственной агитации со стороны клириков и выразил уверенность, что духовенство в целом останется «верным государственному порядку». Практической же

¹⁰⁹ Тютюкин, С.В. У порога гражданской войны / С.В. Тютюкин // Корелин, А.П. Россия в начале XX века: исследования / А.П. Корелин, И.М. Пушкарёва, Н.Г. Королёва [и др.]. – Москва, 2002. – С. 363–377.

¹¹⁰ Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии Офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений, Ежегод. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. Г.31 1906, № 1. – 1906.. –С. 7

мерой стало поручение епархиальным архиереям усилить контроль и применять к нарушителям самые строгие меры: вплоть до лишения сана и удаления с прихода¹¹¹.

Исходя из вышесказанного, определение Синода от 20 декабря 1905 года существенно противоречило содержательной линии, заданной более ранними документами. Если октябрьские постановления предписывали аполитичный нейтралитет и воздержание от осуждения кого-либо, то последнее прямо обязывало духовенство поддерживать правительство. Этот резкий поворот поставил священнослужителей в крайне затруднительное положение. Им приходилось произносить проповеди, но непонятно, о чём и как говорить: «За что помилуют и за что покарают? Это им никто не разъяснял»¹¹², – констатировали современники.

Историки, анализирующие события декабря 1905 года выделяют три ключевые силы революционных событий : 1) саму власть, оборонявшую свои позиции; 2) революционеров, требовавших новых уступок и опиравшихся на часть народа; и 3) либеральную демократию, сохранявшую оппозиционность, осуждавшую как методы радикалов, так и медлительность и жестокость правительства¹¹³.

В целом, анализ официальной позиции Святейшего Синода в 1905 году позволяет заключить, что высший церковный орган в тот период не столько поддерживал правительство, сколько солидаризировался по духу именно с третьей силой – с либерально-демократическим лагерем.

Весной 1905 года дискуссия о церковной реформе перешла в практическую плоскость. Председатель Комитета министров С. Ю. Витте подал императору анонимную «Записку», в которой подвергалась резкой критике обер-прокурорская система и синодальное управление, а главным

¹¹¹ Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. –1906. –№ 1. –С. 6-7

¹¹² ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 202. Л. 2–3.

¹¹³ Тютюкин, С.В. У порога гражданской войны / С.В. Тютюкин // Корелин, А.П. Россия в начале XX века: исследования / А.П. Корелин, И.М. Пушкарева, Н.Г. Королёва [и др.]. – Москва, 2002. – С. 387.

требованием стало восстановление патриаршества и созыв Поместного Собора. Ответ обер-прокурора К. П. Победоносцева был категоричным: в своих «Соображениях» он назвал патриаршество несовместимым с соборностью и добился передачи вопроса из светского ведомства в Синод.

После трёх заседаний Священный Синод 22 марта представил императору перечень предложений о пересмотре положения Церкви. Главные тезисы заключались в возможности возглавления Синода Патриархом и созыве Поместного Собора. 31 марта Николай II, признав в резолюции необходимость Собора, под влиянием Победоносцева отложил его, как несвоевременный в «тревожное время», разрешив лишь начать подготовку. Последовавший указ Синода от 27 июля предписал епархиальным архиереям представить свои соображения о реформах. Поступившие к концу года «Отзывы архиереев» содержали смелую критику синодального строя, и большинство высказалось за Собор, хотя мнения о его составе разошлись. В обсуждение включилось и белое духовенство: «группа 32-х» петербургских священников выступила с либеральной программой, требовавшей выборности и обновления, но отвергнувшей единоличную власть Патриарха. Архиереи в своих отзывах резко осудили эти предложения.

17 декабря 1905 года Николай II впервые лично обсудил вопрос о Соборе с тремя митрополитами, а 16 января 1906 года утвердил состав Предсоборного присутствия, которое заседало с марта по декабрь текущего года. Участники единогласно высказались за восстановление патриаршества, освобождение Церкви от обер-прокурорской опеки и расширение числа епархий. Однако когда подготовленные материалы были представлены государю, он вновь наложил резолюцию о «неблаговременности» созыва Собора.

Таким образом, уже с весны 1905 года в церковной среде активизировалось обсуждение вопроса о глубоких реформах, ключевым элементом которых виделось восстановление упразднённого Петром I в 1721

году патриаршества. Однако реализация этих планов на государственном уровне наталкивалась на серьёзнейшие системные препятствия. За два столетия сложилась прочная модель отношений между царской и церковной властью, закреплённая законодательно. Её пересмотр был крайне затруднён, в том числе из-за отсутствия в православной традиции разработанной канонической доктрины о статусе православного императора и его «священных правах» в условиях «православной государственности». Любая радикальная перестройка синодальной системы управления грозила разрывом многовекового союза Церкви и империи и потенциальным её отделением от государства, что означало бы подрыв религиозного фундамента самой монархии. Осознавая необходимость преобразований, император Николай II тем не менее постоянно откладывал реформу, что вызывало растущее недовольство в среде высшей иерархии. Эта фрустрация духовенства неизбежно оказывала влияние на формирование общецерковной политики, которую фактически определял Святейший Синод. Его политика была неустойчивым поиском нового места в эпоху кризиса «традиционного» коммуникативного формата и наступления «неопределённости» современности. Эта двойственность между вынужденной лояльностью исторической форме православной государственности и стремлением к автономии определила его противоречивую и нерешительную позицию на всех этапах революционного года.

2.2. «Священство» и «царство» в условиях кризиса: факторы непоследовательности политического курса Святейшего Синода после 1905 года

Начало 1906 года ознаменовалось переходом к системным политическим реформам, которые развернулись в течение трёх месяцев. Законотворческий процесс был инициирован указом императора от 12 февраля, которым на 27 апреля назначался созыв Государственной думы.

Вскоре был обнародован высочайший манифест, который функциональное положение Государственного совета: из законосовещательного органа он превращался в отдельную верхнюю палату парламента, получившую право утверждать или отклонять законы, принятые Думой. Наконец, 23 апреля 1906 года была утверждена новая редакция Основных законов Российской империи, юридически закрепившая упомянутые реформы.

Публикация Манифеста поставила перед духовенством ряд вопросов, переставших быть абстрактными и требующими конкретных решений: какова должна быть позиция Церкви в условиях государственного переустройства? Следует ли принимать в нём участие, и если да – то какими действиями это участие может и должно ограничиваться? Если же нет – то от каких конкретных шагов необходимо воздержаться?

18 февраля Святейший Синод выпустил послание «Пастырям Православной Российской Церкви пред выборами в Государственную Думу»¹¹⁴, дав официальный ответ на насущные вопросы. В документе подчёркивалось, что принципы Божественной правды должны пронизывать все сферы жизни, включая государственную, и пастырям надлежит направлять мирян к их соблюдению. Относительно личного участия священнослужителей в выборах Синод занял достаточно сдержанную позицию. С одной стороны, прямо указывалось на возможное, дозволительное участие пастыря в выборном процессе, «имея на это законное право, – нет ему в том укоризны». Однако, подчёркивалась необходимость сохранять духовный авторитет, избегая «излишних споров и страсти борьбы» и реализуя гражданские права «в разумном спокойствии». Таким образом, послание устанавливало две ключевые возможности для духовенства: 1) прямое участие в выборах в качестве избирателя или

¹¹⁴ Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии Офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений, Еженед. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. Г.31 1906, № 8. – 1906. – С. 225–229.

кандидата, и 2) опосредованное влияние на избирательный процесс через проповедь и наставление верующих.

В политических вопросах позиция Священного Синода, изложенная в послании, была менее определенной, чем в положении об участии в выборах. С одной стороны, документ четко определял, что пастырь «не может и не должен связывать себя ни с каким союзом, ни с какой партией», поскольку его единственный и вечный союз с Главой Церкви – Христом. С другой стороны, оно призывало не доверять обещаниям тех, кто «не веруя в Бога, во главу угла ставят благо вещественное», и предостерегало от соблазнов «свободы многой в мирских делах». Синод благословлял всё, что следует «путём мира, любви и порядка» и выступает «за веру истинную, за Царя православного, за целостность отечества», и призывал отвергнуть во имя Бога всё, что противоречит этому. В заключение духовенство призывалось «постоять даже до смерти» за Веру, Царя и Отечество, защитив «царскую власть Помазанника Божия» от врагов¹¹⁵. Таким образом, формальный запрет на партийность сочетался с чёткой поддержкой консервативно-охранительных принципов.

Если проанализировать материалы церковной прессы, отражающие влияние послания Синода спустя почти год после его публикации, можно констатировать, что документ не смог стать эффективным регулятором политических взглядов духовенства. На практике его положения интерпретировались по-разному и даже использовались для обоснования противоречащих действий. Так, когда отдельные архиереи пытались обязать духовенство поддерживать монархические партии, они сталкивались с сопротивлением. Священнослужители апеллировали к тому же синодальному посланию, указывая, что прямое присоединение к политическим силам нарушает провозглашённый в нём принцип

¹¹⁵ Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии Офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений, Еженед. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. Г.31 1906, № 8. – 1906.. – С. 228–229.

непартийности¹¹⁶. Таким образом, документ, вместо того чтобы задать единую линию, зачастую служил аргументом в полемике между разными группами клириков внутри Церкви.

Подтверждает данный тезис и отзыв редакционной статьи журнала Санкт-Петербургской духовной академии. В ней говорилось: «Все выступления высшей церковной власти по политическим вопросам в истекшем году отличались отсутствием ясно и открыто для всех поставленных целей и в общем вызывали не только чувство неудовлетворённости, но и недовольство за недостаток прямоты и нерешительный их тон»¹¹⁷.

Кроме того, Святейший Синод предпринял несколько поэтапных шагов, которые можно охарактеризовать как политическую защиту духовенства, вовлечённого в революционную деятельность. Согласно светскому законодательству, участие в беспорядках каралось ссылкой или тюремным заключением, что создавало угрозу наказания для провинившихся священнослужителей. Однако Синоду удалось добиться передачи многих из них из ведения Министерства внутренних дел в распоряжение церковных властей. Благодаря этому уголовное преследование заменялось дисциплинарными мерами, предусмотренными церковным правом. Во второй половине 1906 года, на фоне спада революционных выступлений, позиция высшего церковного органа по отношению к революционному движению претерпела заметные изменения. Об этом свидетельствуют три синодальных акта, о которых пойдёт речь далее.

Письмо первенствующего члена Синода, митрополита Санкт-Петербургского Антония, адресованное епархиальным архиереям от имени Синода от 31 августа 1906 года отличал тон глубокого самоосуждения. В нём прослеживался риторический вопрос о будущей ответственности

¹¹⁶ Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии Офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений, Еженед. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. 1907, № 2. – С. 38

¹¹⁷ Там же.

духовенства: «Пройдёт временное ослепление... и русский народ спросит нас: где были в годину смуты вы...?»¹¹⁸. Этим посланием Синод впервые за время революции прямо призвал духовенство к нравственной борьбе с врагами Церкви и государства, которых он охарактеризовал как проповедников хищения чужого добра, развратителей народа, сеющих отвращение к вере, вражду между сословиями и призывы к свержению власти монарха.

Следующим документом стало определение Святейшего Синода от 18–25 ноября 1906 года, в котором устанавливались правила, регулирующие отношение церковной власти к внецерковным обществам и союзам, а также к общественно-политической и литературной деятельности лиц, занимающих церковные должности.

Согласно основным положениям все священнослужители и церковные чиновники, пользуясь гражданскими свободами (слова, печати, собраний и союзов), были обязаны:

- соотносить свою деятельность с учением и установлениями Православной Церкви.
- не принимать участия в партиях или объединениях, враждебных государству или Церкви.
- испрашивать благословение у вышестоящего церковного чина на издание или редактирование любых периодических изданий –независимо от разрешения гражданских властей. Епископы обращались за таким благословением к Синоду, все остальные – к своему епархиальному архиерею.

В соответствии с иерархическим принципом, вышестоящие инстанции могли отказать в разрешении на издание, если в его программе усматривалось что-то противоречащее церковному учению или угрожающее

¹¹⁸ Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии Офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений, Еженед. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. 1906, № 36. – С. 1161–1162.

Церкви. При этом делалась важная оговорка: «Отказ в благословении не может влиять на решение гражданской власти, но делает ослушника ответственным в порядке церковной или служебной дисциплины».

Кроме того, если церковная власть усматривала в светском союзе деятельность, враждебную учению и правилам Православия, перед соответствующими лицами ставился ультиматум: либо выйти из состава этого объединения, либо оставить церковную должность и сан.

Завершалось определение перечнем мер воздействия к нарушителям, которые применялись последовательно:

1. увещание и предложение исправиться;
2. предписание прекратить данную деятельность;
3. привлечение к ответственности по мере вины, вплоть до лишения сана¹¹⁹.

Таким образом, данное синодальное определение носило ярко выраженный охранительный характер, направленный на защиту церковных устоев от светского влияния.

Третьим нормативным актом политической переориентации высшего церковного органа стал циркулярный указ «По поводу выборов в Государственную Думу», опубликованный уже в середине декабря 1906 г.¹²⁰

В нем утверждалось, что некоторые священнослужители пользуются бóльшим доверием и поддержкой у врагов религии – революционеров-социалистов – чем у своих собратьев¹²¹. Данная формулировка прямо указывала на необходимость пересмотра клирикам своих политических взглядов.

¹¹⁹ Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. –1906. –№ 48. –С. 505-507

¹²⁰ Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. –1907. –№ 23. –С. 225-261

¹²¹ Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии Офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений, Еженед. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. 1907, № 2. – С. 33

Духовенству рекомендовалось поддерживать на выборах только тех кандидатов, кто был верен религии и царю, и запрещалось агитировать паству за явных противников веры и престола. Синод провёл для духовенства чёткую границу между левыми и правыми силами: первые подлежали осуждению, вторые – поддержке.

Так, указ предписывал: «Все выборные собрания желательно предварять молебствиями, на коих надлежит разъяснять избирателям, что настолько добра принесёт народу Дума из людей благоразумных и верных, насколько же зла нанесёт ему такая Дума, в которую сумели бы проникнуть враги святой веры и престола...»¹²².

Исходя из анализа данных документов, можно констатировать, что во второй половине 1906 года, на фоне общего спада революционных событий и временно устоявшейся консервативной тенденции в обществе, произошла заметная политическая переориентация официальной линии Русской Православной Церкви, проводимой Святейшим Синодом. Её курс сместился с позиции «неопределённой аполитичности» 1905 года в сторону защиты монархической политической линии 1906-го. Однако и этот поворот можно считать в значительной мере условным. Так как наблюдались серьезные противоречия, проявлявшиеся в публичных выступлениях и проповедях некоторых высших иерархов.

Такие колебания политического курса Синода были напрямую связаны с неопределённостью правового и канонического статуса царской власти в церковной системе данного периода. Император, будучи помазанником Божиим, обладал значительными, хотя и неcodифицированными, полномочиями в церковных делах¹²³. Его участие в управлении Церковью воспринималось частью духовенства как нежелательное «вмешательство»

¹²² Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. – 1906. – № 50 – С. 530-531

¹²³ Успенский, Б.А. Литургический статус царя в Русской церкви: приобщение Св. Тайнам / Б.А. Успенский // Учёные записки. Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. – Вып. 2.–М., 1996. – С. 130–170.

светской власти, сама фигура царя-помазанника и связанная с ним бюрократическая система управления Церковью служила главным препятствием для получения клиром полной церковной автономии¹²⁴. Конфликт между Синодом и царской властью свидетельствовал о кризисе традиционного коммуникативного формата. Царь как «удерживающий» символ и центр сакральной коммуникации – перестал быть безусловным и стал предметом спора внутри самой религиозной системы.

Именно эта двойственность в отношениях «священства» и «царства» обусловила непоследовательную политику Синода. Он пытался балансировать: формально проводя охранительную монархическую линию, но на практике часто демонстрируя, что считает монархию внешним по отношению к Церкви институтом. В результате Синод не считал своей прямой обязанностью вести последовательную проповедь о незыблемости самодержавия как формы правления. Высший церковный орган управления оказался институтом, который своими действиями расшатывал те самые «предельные основания» (единство «священства» и «царства»), на которых зиждился существующий порядок.

Таким образом, церковной власти так и не удалось обрести самостоятельность и созвать Поместный Собор. Формально, она оставалась в ведении того же обер-прокурора и той же синодальной бюрократии. Однако в Церковь уже проник ветер перемен, принесший с собой ощущение того, что ее положение вскоре изменится, и синодальная система скорее временное явление. Церковь была полна надежд и новых сил, а это говорило о том, что «главная конфессия империи переживала те же самые проблемы, что и все русское общество»¹²⁵.

¹²⁴ Бабкин, М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) / М.А. Бабкин. – М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2007.

¹²⁵ Фирсов, С.Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России / С.Л. Фирсов. — СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та : Изд-во СПбГУ, 1996. – С.71-72

2.2.1. На пути к Поместному Собору

После официального выхода в свет Октябрьского манифеста 1905 года, провозгласившего гражданские свободы и создание нового законодательного органа в лице Государственной Думы, последовали кадровые изменения на ключевом посту управления Русской Православной Церковью. Обер-прокурор К.П. Победоносцев, не принявший этот курс, ушёл в отставку. Последовавшая за этим череда назначений – князь Д.А. Оболенский (открыто поддерживающий идею созыва Собора), затем князь А.А. Ширинский-Шихматов, а с 1906 года – П.И. Извольский – свидетельствовала об общей нестабильности и поиске новой возможной в создавшихся условиях модели отношений между государством и Церковью. Процесс был непростым: так, Извольский, чиновник с либеральными взглядами и критическим отношением к духовенству, последние годы жизни провел эмиграции в сане священника. Его преемник С.М. Лукьянов (1909–1911) был вынужден политически лавировать, пытаясь выстраивать диалог с Государственной Думой, откуда в адрес Синода звучала резкая и часто некомпетентная критика.

Параллельно с административными реформами «в верхах», с лета 1907 года началась активная неофициальная подготовка к предстоящему Поместному Собору. Новая реальность с расширенными гражданскими правами – свобода слова и собраний – позволила этой работе выйти в публичное поле. Общественная полемика на страницах периодики и в рамках различных собраний стали практической школой, вырабатывавшей навыки корректного диспута. Идея созыва Собора находила поддержку и в законодательном органе: так в Комиссии по делам Православной Церкви при Государственной Думе, которой руководил будущий обер-прокурор В.Н. Львов, неоднократно звучали призывы к высшему органу церковной власти как к единственному пути для приведения церковной жизни в «русло правильной организации». Таким образом, к началу 1910-х годов вопрос о

Соборе превратился из теоретического в насущный политический и общественный запрос, вокруг которого консолидировались различные силы.

В 1911 году император назначил новым обер-прокурором Святейшего Синода Владимира Карловича Саблера – опытного чиновника, служившего в синодальном ведомстве с 1881 года. Являясь многолетним ближайшим помощником К.П. Победоносцева, В.К. Саблер зарекомендовал себя как сторонник его церковно-политического курса и талантливый дипломат в отношениях с архиереями. Немецкое происхождение не помешало ему занять в церковных кругах позицию человека глубоко воцерковленного в православной традиции. Его назначение было встречено с одобрением, особенно на фоне разногласий с Победоносцевым в 1905 году, когда Владимир Карлович поддержал иерархов, выступавших за возрождение соборного начала в церковном управлении.

Курс на реформирование и активизацию соборного вопроса обер-прокурор решил продолжить в начале 1912 года в период на шумевшего дела епископа Саратовского Ермогена (Долганёва), удалённого из Синода и со своей кафедры по высочайшему повелению. Его сторонники настаивали на том, что подобные вопросы должны решаться не светской властью, а соборным органом управления самой Церкви. Ответом на этот запрос стал инициированный В.К. Саблером проект высочайшего указа о подготовке к Поместному Собору¹²⁶.

28 февраля 1912 года Синод принял решение о создании Предсоборного совещания под председательством архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского), которое работало вплоть до 1917 года. Его деятельность была направлена на разработку соборной программы. На Совещании пересматривались материалы Присутствия 1906 года. Из них тщательно удалялись идеи, носившие оттенок церковного либерализма. Кроме того дискуссия о будущем Церкви

¹²⁶ Поместный собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. / Православная энциклопедия. — URL: <https://m.pravenc.ru/text/2581084.html>

кипела на епархиальных съездах, собраниях церковных братств (например, Братство святителей Московских) и в церковной печати, формируя широкий запрос на реформы. Подготовительные работы были прерваны начавшейся в июле 1914 года мировой войной, которая явилась серьезным испытанием не только для народа Российской империи, но в первую очередь для монархии с ее традиционными институтами.

Первые месяцы войны сопровождались патриотическим подъемом, когда, казалось, возродилось всенародное единение, спасавшее Отечество в пору грозных испытаний, считалось, что русская монархия, пережившая серьезный кризис, вызванный поражением в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и Первой русской революцией 1905–1907 гг., выйдет из трудного положения перерожденной и встанет на твердый и поступательный путь развития. Святейший Синод с первых дней войны проявлял солидарность с государством и обществом, регулярно обращаясь к подданным с воззваниями «защитить братьев по вере» и «постоять за славу царя, честь и величие Родины»¹²⁷. Кроме того, Синод участвовал в помощи армии и флоту путем организации сбора пожертвований для оказания помощи раненым и призванным на войну. Манифест императора о начале войны был опубликован в официальном печатном органе Синода – «Церковных ведомостях», предписавшем духовенству регулярно совершать молебны о даровании победы.

Ключевую роль в духовной мобилизации армии играло военное духовенство, задачей которого было патриотическое воспитание, поддержание боевого духа и моральной стойкости солдат. Миссией полковых священников являлось развитие у воинов армии и флота патриотизма как важнейшей духовно-нравственной и социальной ценности, формирование у них профессионально значимых качеств, верности своему

¹²⁷ Щеглов, Г.Э. Первый Серафимовский: история одного лазарета в событиях и лицах (1914–1918) / свящ. Гордей Щеглов – Минск : Братство в честь Святого Архистратига Михаила Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2014. – 314 с.

гражданскому и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, высокой ответственности и дисциплины¹²⁸

Война привела к значительному повышению статуса данного института: в 1915 году протопресвитер военного и морского духовенства, реформатор Г. И. Шавельский, был введён в состав Синода. Находясь в Ставке Верховного главнокомандующего и пользуясь доверием высшего командования, он активно способствовал повышению роли полковых священников, добился большого расположения у Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, впоследствии императора Николая II. Позже в своих мемуарах протопресв. Г. И. Шавельский вспоминал слова Николая Николаевича, который однажды в присутствии военных чинов Штаба отзывался о военном духовенстве следующим образом: «Мы должны в ноги поклониться военному духовенству за его великолепную работу в армии»¹²⁹.

Однако перед священниками на войне стояла еще одна важная задача. На фоне затягивания войны и роста усталости в войсках, усиливалось разлагающее влияние революционной агитации, призывавшей к немедленному прекращению «империалистической» войны. Ещё с 1908 года для потенциальных военных священников существовал запрет на обучение в светских учебных заведениях, считавшихся рассадником «крамольных» идей¹³⁰. На службу старались принимать выпускников духовных академий или семинарий первого разряда. Кроме того, складывались ситуации, при которых полковые священники получали образование в духовной академии, находясь на службе в военном министерстве¹³¹.

¹²⁸ Чимаров, С.Ю. Русская православная Церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота (1800–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С.Ю. Чимаров. – СПб., 1999. – С.56.

¹²⁹ Шавельский, Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота / Г.И. Шавельский. – Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. – Т. II. – С.410.

¹³⁰ РГИА. Ф. 806. Оп. 19. Д. 79. Л. 77.

¹³¹ Емельянов, С.Н., Михайлов, В.В. Быт и служба российского военного духовенства конца XIX – начала XX века / С.Н. Емельянов, В.В. Михайлов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2017. – № 4. – С. 16–27.

Несмотря на все усилия, затяжная война истощила силы общества и армии, углубив внутренние противоречия. Либеральная оппозиция усиливала критику верховной власти, обвиняя её в некомпетентности и даже измене. Одним из свидетельств нарастающего духовного кризиса стала статистика причастия в армии. Если в Великий Четверг 1916 года причастились практически 100% православных воинов, то после Февральской революции 1917 года, когда Временное правительство отменило обязательное причастие, на Пасху к таинству приступил лишь каждый десятый солдат и офицер. Это в военной ситуации, под пулями и снарядами. Красноречивая цифра демонстрирует глубину распада не только государственных, но и духовных скреп.

Накануне Февральской революции, 26 февраля, в разгар беспорядков в Петрограде, товарищ (заместитель) обер-прокурора Святейшего Синода князь Николай Давидович Жевахов попросил председательствующего в Синоде митрополита Киевского Владимира обратиться к народу с воззванием, решительно осуждающим революционеров, несущих погибель Церкви и Отечеству, – «вразумляющее, грозное предупреждение Церкви, влекущее, в случае ослушания, церковную кару»¹³². Митрополит Владимир отказался.

На следующий день, 27 февраля, с аналогичной просьбой выступил уже сам обер-прокурор Н.П. Раев. И вновь получил отказ. В этот решающий для судьбы монархии час иерархи Русской Церкви сочли борьбу с государственным контролем над Церковью более важной задачей, нежели защита престола. Никто из высших церковных иерархов не поддержал царскую власть, императора. А сразу после опубликования в газетах Манифеста об отречении царский трон был вынесен из зала заседаний Святейшего Синода. Последовавшие действия являлись прямым отказом от

¹³² Жевахов, Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. синода князя Н. Д. Жевахова / Н.Д. Жевахов. – М.: Родник, 1993. – Т. 1. – С. 288.

выполнения ключевой функции – легитимации власти через сакральную коммуникацию.

По свидетельству князя Жевахова, на его призыв откликнулись не православные иерархи, а российские католики. Их церковная власть, не связанная доктриной «симфонии властей», тем не менее, точно оценили характер событий и издали обращение, запрещающее пастве участвовать в митингах под угрозой отлучения. Князь в сохранившихся мемуарах утверждает, что это возымело действие: «ни один католик... не принимал участия в процессиях с красными флагами»¹³³. Таким образом, Синод в решающий момент не проявил даже той степени верности долгу, которую продемонстрировали католические прелаты, что еще раз подчёркивает, что проблема была не в религии как таковой, а в конкретной, исторически исчерпавшей себя форме религиозно-политической коммуникации.

Итак, 2 марта 1917 года император Николай II отрёкся от престола, а верховная власть перешла к сформированному Государственной Думой Временному правительству. Реакция Святейшего Синода на свершившийся государственный переворот была выражена и формально закреплена в ряде нормативно-правовых актов. Уже 6 марта Определением «Об обнародовании в православных храмах актов 2 и 3 марта 1917 г.» Синод предписал повсеместно возглашать на богослужениях «многолетия Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному Правительству ея»¹³⁴.

Кроме того, в течение нескольких дней, с 6 по 8 марта, Святейший Синод издал три ключевых документа, призванных привести церковную жизнь в соответствие с новым политическим устройством. Актами № 1215, № 1223 и № 1226 были введены новые положения для документов и предписаны поправки в богослужебных текстах. Центральным содержанием этих распоряжений стало исключение из канцелярского и литургического

¹³³ Жевахов, Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. синода князя Н. Д. Жевахова / Н.Д. Жевахов. – М.: Родник, 1993. – Т. 1. – С. 288.

¹³⁴ Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / сост., авт. предисл. и коммент. М.А. Бабкин. – М. : Индрик, 2006. – 504 с.

обихода любых указаний на «Помазанника Божия» и царскую фамилию, что окончательно закрепляло разрыв с монархическим прошлым¹³⁵.

Первое заседание Святейшего Синода после Февральской революции, назначенное на 4 марта 1917 года началось с долгожданного объявления: новый обер-прокурор В.Н. Львов провозгласил «свободу Церкви».

Однако в реальности методы существенного государственного влияния на Церковь сохранились, что привело к острому противоречию между декларируемыми либеральными намерениями Временного правительства и существующим положением дел. Церковь как и прежде занимала важное, но институционально неоформленное место в государственной системе. А запланированные реформы церковного управления не были доведены до логического завершения. Противоречие открыто проявилось 8 марта, когда шесть действующих архиереев, членов Синода, включая будущих патриархов Тихона (Белавина) и Сергия (Страгородского), подали коллективное обращение обер-прокурору В.Н. Львову.

В документе они указывали, что обер-прокурор не только сохранил роль «фактического хозяина и начальника», но и стал «безапелляционным вершителем церковных дел». Ввиду такой «коренной перемены в отношениях государственной власти к Церкви» подписавшие архиереи сочли для себя невозможным сохранять своё участие в деятельности Синода. Остальные члены высшего церковного органа, поддержав коллег в особом постановлении, охарактеризовали действия нового обер-прокурора как «неканоничные и незакономерные». При этом они взяли на себя «ведение дел по управлению... до созыва нового состава Синода на основах канонических»¹³⁶. Таким образом, первые дни после февральского государственного переворота ознаменовались не освобождением Церкви, а

¹³⁵ Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / сост., авт. предисл. и коммент. М.А. Бабкин. – М. : Индрик, 2006. – 504 с.

¹³⁶ Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., авт. предисловия и комментариев М.А. Бабкин. – М.: Изд. Индрик, 2006. – 504 с

новым витком противоречий между её иерархией и государственной властью, лишь сменившей свои лозунги.

В сложившихся условиях Святейший синод не стал в оппозицию к новому политическому режиму. 9 марта, издав Определение № 1280, он прямо благословил начинания Временного правительства, адресуя пастве обращение, в содержании которого подчёркивалось, что власть приняла бремя управления в «тяжкую историческую минуту», и во время продолжающейся войны все верные сыны Отечества обязаны оставить распри, объединиться в братской любви и «доверьтесь Временному Правительству», чтобы общими усилиями вывести Россию «на путь истинной свободы, счастья и славы»¹³⁷.

Следующим документом Синод утвердил и новую форму присяги на верность Российскому государству для христиан. Этим комплексом последовавших мер: от официального благословения новой власти до изменения сакральных канонических принципов, церковная иерархия не просто признала политический переворот, но и придала ему характер божественного промысла, встроив в нарратив исторической необходимости.

Возвращаясь к личности обер-прокурора настоящего времени – В.Н. Львова, стоит сказать, что она очень символична для политической элиты анализируемого периода, т.к. отражает её хаотичность и нестабильность. Современники относились к нему с критикой. Так, митрополит Евлогий (Георгиевский) называл его диктатором, раздражительным и истеричным человеком, предвзято враждебным к архиереям¹³⁸. Ещё более резкую характеристику даёт в мемуарах П.Н. Милюков, описывая Львова как «долговязого дегенерата», склонного к внезапным вспышкам энтузиазма и гнева, чьи «несуразные» речи служили предметом насмешек¹³⁹.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания / митр. Евлогий (Георгиевский). – М. : Моск. рабочий ; ВПМД, 1994. – С.601.

¹³⁹ Милюков, П.Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. / П.Н. Милюков ; сост. и авт. вст. ст. М.Г. Вандалковская ; коммент. и указатель А.Н. Шаханова. – М. : Современник, 1990. – Т. 2. – С.345.

Его жизненный путь отличался крайней непоследовательностью: после окончания Московского университета сосредоточил все усилия на подготовке к монашеству, после чего участвовал в создании отделения «Союза 17 октября», был депутатом III и IV Государственных дум и председателем их церковных комиссий. Свидетельства его участия и роли в мятеже генерала Корнилова остаются до конца не изученными, но следствием стало заключение в Петропавловской крепости. После революции В.Н. Львов эмигрировал в Японию, затем во Францию, стал «сменовеховцем», вернулся в Россию в 1922 году, где присоединился обновленческому движению. После чего последовали аресты, ссылка и смерть в 1930 году в тюремной больнице.

До сих пор многие исследователи считают поверхностным и поспешным шаг назначения его на пост обер-прокурора. Отсутствие профессионализма, необходимого для решения церковных вопросов, нетерпимый стиль управления Львова оказались губительными для синодальной системы. Его политика на посту предопределила судьбу прежнего состава Святейшего Синода, т.к. указом Временного правительства от 14 апреля 1917 года прежние члены были освобождены от обязанностей, и на следующую сессию был созван уже новый состав, в котором сохранил своё место лишь архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский).

Что же касается реакции епархий на смену власти, то она в целом соответствовала директивам Синода, что достигается прежде всего в условиях четкой императивной вертикали церковного управления. Так, в Костромской епархии уже же 15 марта 1917 года в официальных ведомостях был опубликован синодальный указ об оглашении актов об отречении Николая II и Михаила Александровича. В сопровождавшем его обращении епископ Евгений (Бережков) заявил: «Свершился великий переворот... Таковы судьбы Промысла Божия!», призвав духовенство признать

Временное правительство и направлять паству «на путь мира, порядка и... подчинения новому Правительству»¹⁴⁰.

В этом же выпуске печатного издания было размещено приветственное слово от Костромской духовной семинарии обер-прокурору В.Н. Львову. Все в текущие события трактовались как промыслительное открытие «новых путей» для русского народа, а новой власти выражалась полная поддержка: «Костромская Духовная Семинария, преисполненная веры, что совершившимися в нашем отечестве событиями последних дней Господь, в неисповедимых судьбах Своего всеблагого промысления о нас, открыл Великому русскому народу новые пути и способы к его возвеличению чрез укрепление и дальнейшее развитие в нем вечных начал Святого Евангелия, по руководству основанной Христом Богом Церкви, почтительнейше приветствует Вас, как первого Обер-Прокурора Святейшего Правительствующего Синода в обновленной России, и просит представить ее приветствие всему Благоверному Всероссийскому Временному Правительству»¹⁴¹. Стоит заметить, что основное содержание номера было посвящено историческому описанию упразднённых монастырей епархии, что в общем контексте могло восприниматься как символическое прощание с ушедшей эпохой.

Безусловно, акцентируя внимание на позиции церковного института в условиях государственного перелома, нельзя утверждать, что эта позиция была монолитной – звучали и голоса в защиту монархии. Однако поразительна именно та лёгкость, с которой высшая иерархия отказалась от многовекового взаимодействия светской и духовной власти. Мгновенное изъятие упоминаний о «Помазаннике Божиим» из богослужебных текстов и их замена на «Благоверное Временное

¹⁴⁰ Евгений, епископ Костромской и Галичский // Костромские епархиальные ведомости. Отдел официальный. – 1917. – № 6. – С. 74–75.

¹⁴¹ Епархиальные известия // Костромские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1917. – № 6. – С. 113–116.

Правительство» представляет собой радикальную операцию по замене центрального символа религиозного формата. В традиционном обществе царь был воплощённым «предельным основанием» политического и социального порядка, данным в религиозных терминах. Его устранение из литургического языка было не административной правкой, а актом символического упразднения самого этого основания. Фразы о «Промысле Божиим», сопровождавшие этот акт, были попыткой сохранить религиозную форму коммуникации, наполнив её принципиально новым, уже светским содержанием.

Поведение Синода и епископата показывает, что церковная иерархия действовала как институт, стремящийся к самосохранению в условиях слома коммуникативной системы. Она продемонстрировала удивительную гибкость, мгновенно переключив каналы легитимации с богоустановленной монархии на власть, основанную на «воле народа».

Провозгласив широкий круг политических и гражданских свобод, правительство ужесточило давление на Церковь. Законодательные положения от 20 марта 1917 года об отмене ограничений по вероисповеданию лишил РПЦ её многовекового привилегированного статуса в государстве. Выход декрета о переводе преподавания Закона Божия из обязательной дисциплины в факультативную ознаменовал стремительный крах классической модели взаимоотношений двух институтов. При этом пришедшая новая власть стремилась сохранить за собой контроль над внутренней жизнью Церкви, что в православном общественном сознании придавало этой зависимости противоестественный и болезненный характер.

Во многом пользуясь данными настроениями и обвиняя епископат в реакционности, обер-прокурор В.Н. Львов, находя поддержку у либеральной общественности и обновленчески настроенного духовенства, уже в апреле развязал открытую кампанию против представителей церковной иерархии. В одностороннем порядке, без санкции высшего церковного органа, он передал официальный печатный орган «Церковный вестник» в ведение

Петроградской духовной академии, назначив его редактором профессора Б.В. Титлинова. После смены руководства издание превратилось в рупор радикального обновленчества. В нем публиковались материалы с критикой исторического пути Церкви, негативно оценивался иерархический строй, а также подвергались бездоказательному словесному гонению архиереи, обвинявшиеся в политическом монархизме.

29 апреля Святейший Синод направил послание, призывавшее к введению выборности на всех уровнях церковной иерархии, включая замещение архиерейских кафедр. Однако на местах эти воззвания воспринимались духовенством в атмосфере, далёкой от церковного духа. Под влиянием обновленческих настроений, охвативших часть духовенства (прежде всего это касалось низших санов) и мирян, в церковной печати все чаще звучали радикальные призывы, нарушавшие давно устоявшиеся каноны – от введения женатого («белого») епископата до полной отмены монашества¹⁴².

В сложившейся критической обстановке помрачения церковного сознания многие достойные архиереи проигрывали избирательный процесс. Ярким примером стал случай в Тверской епархии, где голосами псаломщиков с кафедры был смещён архиепископ Серафим (Чичагов) – формально за строгость требований к кандидатам в священство¹⁴³.

Тем не менее, в это же время были избраны и иерархи, обладавшие выдающимися способностями, преданностью Церкви и народной любовью. Так, голосами петроградской бедноты на столичную кафедру был избран архиепископ Вениамин (Казанский), а на Московскую – архиепископ Тихон (Белавин). Вскоре они вместе с экзархом Грузии Платоном были возведены в сан митрополитов.

¹⁴² Цыпин, В.А. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005 / протоиерей Владислав Цыпин ; [ред. священник А. Г.]. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2010. – С.346.

¹⁴³ Там же.

Тот же день ознаменовался и принятием исторического решения о подготовке к Всероссийскому Поместному Собору. Работу начал Предсоборный совет, заседания которого открылись в июне. В его состав вошли видные архиереи, профессора духовных академий, а также представители монашества, белого духовенства и церковно-общественные деятели из мирян.

Предсоборный совет разработал «Положение о созыве Поместного Собора», которым был установлен исторически уникальный принцип формирования Собора: впервые за два столетия Синодального периода правящие архиереи не назначались сверху, а выбирались. От каждой епархии по результатам трехступенчатых выборов должны были быть делегированы правящий архиерей, два клирика и три мирянина. Это привело к тому, что на Соборе из 564 членов миряне составили абсолютное большинство – 299 человек, что отражало широкие чаяния на восстановление соборности в Церкви. Впервые в истории России Церковь обрела голос, независимый от государства.

Ключевые вопросы догматического и канонического характера после обсуждения на пленарных заседаниях подлежали окончательному утверждению на отдельном Совещании епископов.

5 июля Синод принял постановление открыть Собор в Москве в день Успения Пресвятой Богородицы, что открывало новую страницу в истории русского православия. Выражением ее стал созыв Поместного Собора. Важнейшим его решением, принятым 28 октября 1917 года, стало восстановление Патриаршества, упраздненного Петром I. Собор постановил, что высшая власть в Церкви принадлежит периодически созываемому Поместному Собору, а возглавлять управление в межсоборный период

должен Патриарх, который является «первым между равными» епископами и подотчетен Собору¹⁴⁴.

5 ноября в Храме Христа Спасителя состоялось избрание Патриарха путем жребия из трех кандидатов, набравших наибольшее число голосов. Жребий указал на митрополита Московского Тихона (Белавина). Это событие не только положило конец Синодальному периоду, но и дало Церкви видимого духовного лидера в годы наступавших гонений.

Помимо восстановления Патриаршества, Собор заложил основы для реформы церковного управления. Одним из ключевых нововведений стала концепция создания митрополичьих округов, которые должны были централизовать и объединять несколько епархий для более эффективного управления и усиления соборного начала на региональном уровне. Эти принципы, сформулированные в решениях Собора, легли в основу знаменитого Постановления № 362 от 1920 года, которое в годы гонений разрешало епархиям, оказавшимся в изоляции, создавать временные высшие церковные власти и самостоятельно организовывать церковную жизнь, что позволило сохранить церковную структуру в тяжелых условиях.

Таким образом, синодальная эпоха в истории Русской Православной Церкви была завершена. Ее конец совпал с устранением самодержавия. В прошлое уходила и просуществовавшая более полутора тысячелетий в православном мире симфония Церкви и государства. Синодальная система церковного управления, искажившая внутреннюю духовную суть симфонии, явилась переходом к совершенно новым условиям бытия Церкви в мире.

Период с 1905 по 1917 год стал для Русской Православной Церкви временем глубокого кризиса, совпавшего с крушением традиционного политического и религиозного миропорядка. Февральская революция 1917 года выявила не политическую оппозиционность, а коммуникативную растерянность иерархии: отказ поддержать монархию и мгновенное

¹⁴⁴ История созыва Поместного Собора 1917–1918 годов : [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravperm.ru/duhovnyj-istochnik/istoriya-sozyva-pomestnogo-sobora-1917-1918-godov/>

признание Временного правительства стали актом прагматического выживания института в условиях распада прежних сакральных основ власти. Созыв Поместного Собора и восстановление Патриаршества в этих обстоятельствах стали первыми шагами её пути в качественно новую эпоху – существования в секулярном, «неопределённом» мире. Этот болезненный переход, начатый в дни Февраля, определил всю дальнейшую трагическую и героическую судьбу Русской Православной Церкви в XX веке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование позволило всесторонне проанализировать особенности синодальной системы управления Русской Православной Церковью на завершающем этапе ее существования (конец XIX – начало XX вв.). В ходе работы были решены поставленные задачи, достигнута цель и подтверждены основные положения, выносимые на защиту.

Петровская церковная реформа 1721 года, упразднившая патриаршество и учредившая Святейший Правительствующий Синод, осуществила радикальный разрыв с византийской концепцией «симфонии властей». На смену ей пришла модель «государственной церковности», в рамках которой Церковь была интегрирована в систему государственного управления, превратившись, по выражению Г.В. Флоровского, в одно из государственных учреждений. Эта система, основанная на принципах абсолютистского контроля, предопределила подчиненное положение духовной власти по отношению к светской на протяжении всего синодального периода.

В послепетровский период институциональная эволюция Синода характеризовалась последовательным усилением его бюрократизации и зависимости от государственного аппарата. Ключевые административные и судебные функции постепенно переходили к светским органам, а роль обер-прокурора трансформировалась из формального надзирателя в фактического руководителя церковного ведомства. К концу XIX века Синод, сохраняя формальный статус высшего органа церковного управления, на практике функционировал как исполнительная инстанция при канцелярии обер-прокурора, что привело к глубокому внутреннему кризису системы.

Период с 1894 по 1917 год стал временем нарастания системного кризиса синодальной модели. Личное благочестие императора Николая II, выразившееся в беспрецедентной поддержке канонизаций, миссионерства и духовного образования, сочеталось с сохранением жесткой бюрократической

опеки над Церковью. Это противоречие ярко проявилось в годы Первой русской революции (1905–1907), когда Святейший Синод занял противоречивую и неоднозначную позицию. Балансируя между необходимостью поддержки государственного курса и растущим внутрицерковным стремлением к автономии и обновлению, Синод в своих официальных посланиях избегал четкой духовно-нравственной оценки революционных процессов, демонстрируя стратегический нейтралитет, граничивший с аполитичностью.

Непоследовательная и зачастую противоречивая политика Синода в 1905–1917 гг. была обусловлена глубинным конфликтом между сохранявшимися элементами традиционного религиозного сознания и нарастающими процессами модернизации, секуляризации и политической дифференциации общества. Этот конфликт нашел отражение в противоречии между формальным статусом Церкви как «господствующей» и её фактической подчинённостью светской бюрократии, а также в сложном поиске новой идентичности в условиях краха традиционного уклада.

Февральская революция 1917 года и последовавшее отречение императора стали кульминацией кризиса синодальной системы. Реакция высшей церковной иерархии, выразившаяся в мгновенном признании Временного правительства и изъятии упоминаний о царской власти из богослужебного обихода, продемонстрировала не политическую оппозиционность, а глубокую коммуникативную растерянность и прагматический курс на институциональное выживание в условиях распада прежних сакральных основ государственности. Упразднение синодальной системы в 1917 году стало закономерным результатом исчерпания её внутренних ресурсов и краха традиционной модели общества, в рамках которой она существовала. Восстановление Патриаршества решением Поместного Собора 1917–1918 гг. ознаменовало не просто возврат к древней форме управления, но начало принципиально нового этапа в истории

Русской Православной Церкви – поиска путей существования в условиях отделения от государства и вызовах современного секулярного мира.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении научных представлений о динамике церковно-государственных отношений в России, уточнении характеристик кризиса синодальной модели управления и применении коммуникативного подхода для анализа трансформации роли религиозного института в период перехода от традиционного общества к современному.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования её материалов и выводов в учебном процессе (курсы по отечественной истории, религиоведению, истории государства и права), а также в аналитической деятельности, связанной с осмыслением исторического опыта взаимодействия Церкви, государства и общества в современной России.

Таким образом, синодальная эпоха, завершившаяся в 1917 году, оставила сложное и противоречивое наследие. С одной стороны, она стала периодом глубокого подчинения Церкви государственным интересам и бюрократизации её внутренней жизни. С другой – именно в конце этого периода, в условиях общего кризиса, в церковной среде созрели силы, идеи и запросы, позволившие в исторически минимальные сроки восстановить соборное и патриаршее начало, что дало Церкви духовные и организационные ресурсы для противостояния беспрецедентным гонениям XX века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Corpus iuris civilis / R. Schoell, G. Kroll, rec. Berolini, 1895. Vol. 3.
2. Аугсбургский религиозный мир 1555 года // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 2005. С. 178-182.
3. Воспоминания и отзывы митр. Моск. Филарета // Русский архив. – 1907. – № 1. – С. 51.
4. ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 202. Л. 2–3.
5. Евгений, епископ Костромской и Галичский // Костромские епархиальные ведомости. Отдел официальный. – 1917. – № 6. – С. 74–75.
6. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания / митр. Евлогий (Георгиевский). – М. : Моск. рабочий ; ВПМД, 1994. – 621 с.
7. Епархиальные известия // Костромские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. – 1917. – № 6. – С. 113–116.
8. Жевахов, Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. синода князя Н. Д. Жевахова / Н.Д. Жевахов. – М.: Родник, 1993. – Т. 1. – С. 288.
9. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / сост., авт. предисл. и коммент. М.А. Бабкин. – М. : Индрик, 2006. – 504 с.
10. Милюков, П.Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. / П.Н. Милюков ; сост. и авт. вст. ст. М.Г. Вандалковская ; коммент. и указатель А.Н. Шаханова. – М. : Современник, 1990. – Т. 2. – 446 с.
11. Московские ведомости. М., 1905. № 275. С. 1–2.
12. Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. – Москва: Вече, 2008. – 352 с.
13. Новые духовные законы: руководство для православных священнослужителей, монашествующих и других лиц, с приложением

- подробных узаконений для церковных старост и попечительств : в 3 ч. / под ред. А. Е. Никольского. – Москва, 1883.
14. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : в 2 ч. / Коллектив авторов. –М. : Издательство Крутицкого подворья, 2004. –1040 с.
 15. Петр I. Духовный регламент Петра Первого : с прибавлением «О правилах причта церковного и монашеского». – Москва : URSS, 2011. – 198 с.
 16. Полное собрание законов Российской империи : [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. 1700-1712 : [№ 1740-2619]. – Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. – С.5.
 17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 6-е. –№ 4919.
 18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 7-е. – № 4959.
 19. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗРИ). – Санкт-Петербург : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. V (1713–1719). – № 2863. – С. 598–599.
 20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. VI. – № 2353.
 21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. VI. –№ 3711.
 22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том VI. № 3718.
 23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Том VI. № 4036.
 24. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. – Т. 7. – № 2334, 2355.
 25. Поместный Собор - Карфагенский, Правило 104 // Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.biblioteka-arhivarius.ru/kanony:karf_104

26. Правила о ревизии : утв. в 1865 г. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1865. — С.134
27. Прибавления к Церковным ведомостям. — СПб., 1905. —№ 47. —С. 1991—2000.
28. РГИА. Ф. 806. Оп. 19. Д. 79. Л. 77.
29. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 248 (Сенат и его учреждения). — Кн. 113. — Л. 412—413.
30. Российский государственный архив древних актов. Ф. 237. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.
31. Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Т.7: 1883-1885. — Сергиев Посад, 1907. — С. 153-154.
32. Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Т.7: 1883-1885. — Сергиев Посад, 1907. —С. 557
33. Савва (Тихомиров, Иван Михайлович; 1819—1896). Хроника моей жизни : Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1—9. — Сергиев Посад : 2-я тип. А.И. Снегиревой, 1898—1911. — 9 т.
34. Собрание сочинений архиепископа Никанора (Каменского). Собрание сочинений архиепископа Никанора Каменского / Никанор (Каменский). — Казань : типо-лит. Имп. Ун-та, 1909.
35. Тихомиров, Л. 25 лет назад. Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. М.; Л., 1930. Т. 3 (40). Октябрь. — С. 91.
36. Устав духовных академий от 1884 г. Ст. 20—22.
37. Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. —1905. —№ 3
38. Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. —1905. —№ 44.
39. Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. —1906. —№ 1

40. Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. –1906. –№ 48.
41. Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. –1907. –№ 23.
42. Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде: еженед. изд. с прибавлениями. –1906. –№ 50
43. Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии: офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений : еженед. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. –Г. 31, 1905, № 27.
44. Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии Офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений, Еженед. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. Г.31 1905, № 1.
45. Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии Офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений, Еженед. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. Г.31 1905, № 32.
46. Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии Офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений, Еженед. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. Г.31 1906, № 8.
47. Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии Офиц. орган Святейшего всерос. синода и состоящих при оном центр. учреждений, Еженед. журн. с неофиц. частью и с неофиц. ежемес. книжками прибавлений. 1907, № 2.

Литература

48. Byrnes, R.F. Pobedonostsev: His Life and Thought / R.F. Byrnes. – Bloomington, 1968 ; Simon, G. Konstantin Petrovic Pobedonoscev und die Kirchenpolitik des Heiligen Sinod 1880–1905 / G. Simon. – Gottingen, 1969.

49. Freeze, G.L. The Parish Clergy In Nineteenth-Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform / G.L. Freeze. – Princeton, 1983.
50. Smolitsch, I. Geschichte der russischen Kirche. 1700–1917 / I. Smolitsch. – Bd. 1. – Leiden, 1964; Bd. 2. – Wiesbaden, 1991.
51. Айвазов, И.Г. Законодательство по церковным делам в царствование имп. Александра III / И.Г. Айвазов. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1913. – 148 с.
52. Айвазов, И.Г. Церковные вопросы в царствование имп. Александра III / И.Г. Айвазов. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1914. – 218 с.
53. Бабкин, М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) / М.А. Бабкин. – М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2007.
54. Барсов, Т.В. Святейший Синод в его прошлом / Т.В. Барсов. – СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1896. – 263 с.
55. Барсуков, И. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский / И. Барсуков. – М., 1883. – С. 692.
56. Благовидов, Ф.В. Обер-прокуроры Святейшаго синода в XVIII-м и в первой половине XIX столетия / Ф.В. Благовидов. – Казань: в Тип. Ун-та, 1898. – 374 с.
57. Благовидов, Ф.Е. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование имп. Александра II / Ф.Е. Благовидов. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. – 461 с.
58. Величко, А.М. Политико-правовые очерки по истории Византийской Империи / А.М. Величко. – М., 2008. – 254 с.
59. Верховской, П.В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент / П.В. Верховской. – Ростов-на-Дону, 1916. – Т. 1. – 105 с.
60. Виттекер, Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Цинтия Х. Виттекер ; [пер. с англ. Н.Л. Лужецкой]. – СПб. : Акад. проект, 1999.
61. Вовченко, А.В. К вопросу о создании школьной организации Святейшего Синода в 1880-е гг. / А.В. Вовченко // Государственные учреждения и

- общественные организации СССР. Проблемы и факты. – Москва, 1989. – С. 94–97.
62. Глубоковский, Н.Н. По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном Комитете при Св. Синоде / Н.Н. Глубоковский. – СПб.: Синод. тип., 1907. – 148 с.
63. Дитерихс, Михаил Константинович. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале / М. К. Дитерихс. – Москва : Вече, 2007. – 501 с.
64. Дякин, В.С. Церковь и государство в период третьей ионийской монархии / В.С. Дякин // Новый часовой. – 1996. – № 4. – С. 126–130.
65. Емельянов, С.Н., Михайлов, В.В. Быт и служба российского военного духовенства конца XIX – начала XX века / С.Н. Емельянов, В.В. Михайлов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. – 2017. – № 4. – С. 16–27.
66. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 3-е изд. – Москва, 1983. – С. 148, 206.
67. Журавский, А.В. Христианство и ислам / А.В. Журавский. – М., 2001. – 265 с.
68. Здравомыслов, К.Я. Архив и библиотека св. синода и консисторские архивы / К.Я. Здравомыслов. – СПб.: Синод. тип., 1903. – 28 с.
69. Здравомыслов, К.Я. Краткий очерк истории и современного состояния С.-Петербургской синодальной типографии / К.Я. Здравомыслов. – СПб.: Синод. тип., 1895. – 30 с.
70. Здравомыслов, К.Я. Специальные капиталы Св. Правительствующего Синода / К.Я. Здравомыслов. – СПб.: Синод. тип., 1914. – 106 с.
- Здравомыслов, К.Я. Пятидесятилетие высочайше утвержденной комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода. 1865–1915 / К.Я. Здравомыслов. – Пг.: Синод. тип., 1915. – 55 с.
71. Знаменский, П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года / П.В. Знаменский. – Казань: Типография Императорского университета, 1881. – 806 с.

72. Зырянов, П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / П.Н. Зырянов. – М.: Наука, 1984. – 224 с.
73. Иларион (Алфеев), митр. Православие : в 2 т. / митр. Иларион (Алфеев). – Москва : Издательский дом «Познание», 2019. – Т. 2. – С. 341.
74. Иоанн (Снычев), митр. Русская симфония / митр. Иоанн (Снычев). – Санкт-Петербург, 2002. – С.46.
75. Иоанн (Снычёв), митрополит. Самодержавие духа / митрополит Иоанн (Снычёв). – Санкт-Петербург, 1995. – С. 178.
76. Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Русь Соборная. Очерки христианской государственности / митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн. – С.-Пб.: Царское Дело, 1994. – 248 с.
77. История созыва Поместного Собора 1917–1918 годов : [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravperm.ru/duhovnyj-istochnik/istoriya-sozyva-pomestnogo-sobora-1917-1918-godov/>
78. Казаков, М. М. Епископ и империя : Амвросий Медиоланский и Рим. империя в. IV в. / М. М. Казаков. – Смоленск : Траст-Имаком : Смол. гуманитар. ун-т, 1995. – 336 с.
79. Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 127 с.
80. Карташёв, А.В. Вселенские соборы / А.В. Карташёв. – Минск : Изд. Белорусский Экзархат, Харвест, 2008. – 639 с.
81. Карташёв, А.В. Собрание сочинений: в 2 т. Т.2: Очерки по истории русской церкви / А.В. Карташёв. – М: ТЕРРА, 1992. – 569 с.
82. Ключков, В. В. Закон и религия: (От государственной религии в России к свободе совести) / В. В. Ключков. – Москва: Политиздат, 1982. – 159 с.
83. Котович, А.Н. Черты и условия развития русской богословской мысли в эпоху Николая I / А.Н. Котович // Христианское чтение. – 1906. – № 12. – С. 854–877.

84. Лавров, А.С. Религия в России : 1700–1740 гг. / А.С. Лавров. – Москва : Древлехранилище, 2000. – С. 312.
85. Лещенко, В.Ю. Церковное право как социальный регулятор брачно-семейных отношений в дореволюционной России / В.Ю. Лещенко // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1984. – С. 62–82.
86. Мангилёв, П. И. Богословское образование – важнейшая часть гуманитарного знания, не имея которой российское образование не может считать себя полноценным / П. И. Мангилёв // Дискуссия. –2016. –№ 9 (72). – С. 6–14.
87. Москалев, Ю.И. Место церкви в политической организации буржуазного общества / Ю.И. Москалев // Вестник МГУ. Сер. Философия. – 1973. – № 1. – С. 41–45.
88. Мchedлов, М.П. Религиоведческие очерки / М.П. Мchedлов. – М., 2005.– С.56.
89. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – 3-е изд. – Москва, 1985. – 448 с.
90. Новые мученики российские : Первое собрание материалов / Сост. протопресвитер М. Польский. – Jordanville (N. Y.) : Holy Trinity monastery, 1949. – 288 с.
91. Павлов, А. С. Курс церковного права / А. С. Павлов. – Санкт-Петербург : Лань, 2002. – 384 с.
92. Папков, А.А. Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-освободителя (1855–1870) / А.А. Папков. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1902. – 254 с.
93. Пешков, А.И. К.П. Победоносцев как идеолог русского православия: автореф. дис. ... канд. философ. наук / А.И. Пешков. – СПб., 1993. – 22 с.
94. Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории / С.Ф. Платонов. – СПб.: Сенатская типография, 1909. – С. 543, 562.
95. Поместный собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. / Православная энциклопедия. — URL: <https://m.pravenc.ru/text/2581084.html>

96. Попов, В.И. О Святейшем Синоде и об установлениях при нём в царствование Петра I (1721–1725) / В.И. Попов. – 305 с.
97. Право и церковь в России / В.Ю. Лещенко // Научно-атеистические исследования в музеях. – Л., 1985. – С. 44–61.
98. Растимешина, Т.В. Святейший Синод как инструмент реализации государственной политики церковного наследия в XVIII–XIX вв. / Т.В. Растимешина // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2016. – № 1 (9). – С. 111–117.
99. Рункевич, С.Г. Русская церковь в XIX веке : исторические наброски / С. Г. Рункевича. – Санкт-Петербург : Тип. А. П. Лопухина, 1901. – 232 с.
100. Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология / архиеп. Серафим (Соболев) ; отв. за вып. В. П. Пархоменко. – 3-е изд. – С.-Пб. : Изд-во им. А. С. Суворина, 1992. – 104 с.
101. Серафим (Соболев), архиеп. Русская идеология / архиеп. Серафим (Соболев). – Санкт-Петербург, 1992. – С. 180.
102. Смолич, И.К. История Русской Церкви / И.К. Смолич. – М., 1997. – 340 с.
103. Смолич, И.К. История Русской Церкви. 1700–1917 / И.К. Смолич. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – 800 с.
104. Соловьев, А.Д. Московский печатный двор / А.Д. Соловьев. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1917. – 42 с.
105. Тихомиров, Л. Монархическая государственность / Л. Тихомиров. – Москва : Университетская типография, 1905. – Ч. 3. – 244 с.
106. Тютюкин, С.В. У порога гражданской войны / С.В. Тютюкин // Корелин, А.П. Россия в начале XX века: исследования / А.П. Корелин, И.М. Пушкарева, Н.Г. Королёва [и др.]. – Москва, 2002. – С. 363–377.
107. Тюшагин, В.В. Церковь и государство в эпоху Реформации / В.В. Тюшагин. – Санкт-Петербург, 2010. – 204 с.
108. Успенский, Б.А. Литургический статус царя в Русской церкви: приобщение Св. Тайнам / Б.А. Успенский // Учёные записки. Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. – Вып. 2. – М., 1996. – С. 130–170.

109. Фирсов, С.Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России / С.Л. Фирсов. — СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та : Изд-во СПбГУ, 1996. — 660 с.
110. Фирсов, С.Л. Православная церковь и Русское государство в конце XIX — начале XX вв. (Проблема взаимоотношений духовной и светской власти): дис. ... канд. ист. наук / С.Л. Фирсов. — СПб., 1994. — 310 с.
111. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия / Г.В. Флоровский. — Париж : YMCA-Press, 1937. — 574 с.
112. Фоминых, Е.В. Проекты церковных преобразований в России в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук / Е.В. Фоминых. — Л., 1987. — 222 с.
113. Фруменкова, Т.Г. Обер-прокуроры Святейшего Синода (1722–1917) / Т.Г. Фруменкова // Из глубины времен. — 1994. — № 3. — С. 20–29.
114. Цыпин Владислав, протоиерей. Взаимоотношения Церкви и государства. Канонические принципы и историческая действительность / протоиерей Владислав Цыпин // Исторический вестник. — 2000. — № 5–6 (9–10). — С. 49–63.
115. Цыпин, Владислав, История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. 1700–2005 / протоиерей Владислав Цыпин ; [ред. священник А. Г.]. — Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2010. — 816 с.
116. Чимаров, С.Ю. Русская православная Церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота (1800–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / С.Ю. Чимаров. — СПб., 1999. — 480 с.
117. Шавельский, Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота / Г.И. Шавельский. — Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. — Т. II. — 415 с.
118. Щеглов, Г.Э. Первый Серафимовский: история одного лазарета в событиях и лицах (1914–1918) / свящ. Гордей Щеглов— Минск : Братство в честь Святого Архистратига Михаила Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2014. — 314 с.

Рис 1.Определение Св. Синода об обществах и союзах, от 18-23 ноября 1906 года за №6590-1

Определеніями Святейшаго
Синода:

II. Отъ 25-го октября—14-го ноября 1906 г. за № 6070, игуменія Ангелина уволена, вслѣдствіе ея просьбы, по болѣзни, отъ должности настоятельницы Новоузенскаго Свято-Троицкаго общежительнаго монастыря, Самарской епархіи.

III. Отъ 25-го октября—14-го ноября 1906 года, за № 6071, постановлено: на должность настоятеля Гаенатскаго первокласснаго монастыря, Имеретинской епархіи, перемѣстить настоятеля Джручскаго монастыря, архимандрита Никифора, вмѣсто послѣдняго въ Джручскій, первоклассный же, монастырь—настоятеля Челишскаго второкласснаго монастыря, архимандрита Григорія, а въ Челишскій монастырь назначить настоятелемъ состоящаго при Ленджерской Преображенской церкви въ Сванетіи, игумена Климента.

IV. Отъ 25-го октября—17-го ноября сего года за № 6073, преподаватель Тамбовской духовной семинаріи Василій Ивановъ назначенъ на должность законоучителя и инспектора классовъ въ Курское епархіальное женское училище, съ принятіемъ имъ священнаго сана.

V. Отъ 15—18 ноября 1906 года за № 6573, постановлено: назначить 1) инспектора Александровской миссіонерской духовной семинаріи іеромонаха Меоодія ректоромъ Уфимской духовной семинаріи, съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита; 2) помощника смотрителя Самарскаго духовнаго училища іеромонаха Іероея инспекторомъ Александровской миссіонерской семинаріи и 3) окончившаго въ текущемъ году курсъ кандидата С.-Петербургской ду-

ховной академіи священника Іакова Извъкова — помощникомъ смотрителя Самарскаго духовнаго училища.

Утвержденные опредѣленіемъ Святейшаго Синода, отъ 18—25 ноября 1906 г. за № 6590, правила, опредѣляющія отношенія церковной власти къ обществамъ и союзамъ, возникающимъ въ нѣдрахъ Православной Церкви и внѣ ея и къ общественно-политической и литературной дѣятельности церковныхъ должностныхъ лицъ.

1) *Правила, опредѣляющія отношенія церковной власти къ обществамъ и союзамъ, возникающимъ въ нѣдрахъ Православной Церкви.* 1) Всякіе общества и союзы православныхъ христіанъ (кружки, братства, общества), будутъ ли они состоять изъ клириковъ или мірянъ, или изъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, которые имѣютъ своей задачей распространеніе православно-христіанскаго просвѣщенія путемъ устнаго или печатнаго слова, взаимное духовно-нравственное усовершеніе (состоящіе при церквахъ общества трезвости, кружки для взаимнаго христіанскаго назиданія), а также заботу о церковномъ благолѣтіи (общества хоругвеносцевъ, церковно-пѣвческія и т. п.), могутъ возникать лишь съ разрѣшенія и благословенія Церковной власти, сверхъ соблюденія требованія закона о заявленіи гражданскому начальству (п. 17 Высочайшаго указа отъ 4-го марта 1906 г.), и въ своей жизнедѣятельности должны состоять подъ духовно-пастырскимъ наблюденіемъ и руководствомъ. Таковымъ же порядкомъ возникаютъ и всякіе благотворительные общества и союзы, которые пожелаютъ дѣйствовать во имя Православной Церкви и находиться подъ ея духовнымъ водительствомъ. 2) Если общества или союзы приурочиваются къ извѣстному приходу или храму, то ближайшимъ духовнымъ руководителемъ ихъ и отвѣтственнымъ лицомъ за ихъ

православно-церковное направление является мѣстный приходскій священникъ, который испрашиваетъ у епархіальнаго архіерея благословеніе на открытіе таковыхъ, представляя отчетъ о ихъ дѣятельности установленнымъ порядкомъ. 3) Всѣ постановленія и рѣшенія обществъ или союзовъ, если они согласно ихъ уставу, облакаются въ письменную форму, представляются къ свѣдѣнію мѣстному благочинному, который имѣетъ общее наблюденіе за ихъ направлениемъ, даетъ имъ или ихъ руководителямъ пастырскіе совѣты и указанія; въ случаѣ безуспѣшности своихъ совѣтовъ и указаній, а также о замѣченныхъ важныхъ уклоненіяхъ отъ должнаго пути докладываетъ епархіальному архіерею. 4) Епархіальный архіерей, какъ отвѣчающій за духовное благосостояніе епархіи, есть, поэтому, непремѣнный попечитель и главный духовный руководитель и всѣхъ таковыхъ обществъ и союзовъ, дѣйствующихъ въ ея предѣлахъ. 5) Епархіальный архіерей, по ознакомленіи съ задачами и планомъ дѣятельности обществъ или союзовъ, даетъ свое благословеніе на ихъ открытіе и утверждаетъ ихъ уставы, которые должны соответствовать правиламъ, постановленнымъ для уставовъ сего рода въ Высочайшемъ указѣ отъ 4-го марта 1906 г. (п. 21¹⁾), или же, если найдется, по характеру общества или союза, вопросъ превышающимъ свою компетенцію, представляетъ объ утвержденіи устава высшей церковной инстанціи. 6) Епархіальный архіерей пользуется правомъ

¹⁾ Высочайшій указъ 4-го марта 1906 г. Временныя правила объ обществахъ и союзахъ... 21. Въ уставѣ должны быть указаны: а) названіе общества, его цѣль, районъ и способы его дѣятельности; б) имена, отчества, фамиліи, званія и мѣста жительства его учредителей; в) порядокъ вступленія и выбытія членовъ; г) размѣръ членскихъ взносовъ и порядокъ уплаты ихъ; д) составъ правленія, способы его образованія и пополненія и предметы его вѣдѣнія, а также мѣсто его нахожденія; е) время и порядокъ созыва общаго собранія членовъ и предметы его вѣдѣнія; ж) порядокъ веденія отчетности и з) порядокъ измѣненія устава.

присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ обществъ и союзовъ, въ качествѣ почетнаго предсѣдателя, а равно посылать на засѣданія отъ себя довѣренное лицо, въ качествѣ своего представителя. 7) Если общества или союзы не приурочены къ одному храму или приходу, то они свои письменные акты, а равно и періодическіе отчеты о своей дѣятельности представляютъ непосредственно архіерею. 8) Если въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ общества или союза, или въ общемъ направленіи ихъ дѣятельности усмотрѣно будетъ что либо противное правиламъ православно-христіанской вѣры и церковнаго благочинія, то епархіальный архіерей обращаетъ на это вниманіе общества или союза, предлагая ему представить объясненіе или въ случаѣ надобности принять мѣры къ исправленію. 9) Если представленныя объясненія признаны будутъ незаслуживающими уваженія, и не будутъ выполнены указанія епархіальнаго архіерея, послѣдній объявляетъ общество или союзъ подлежащимъ закрытію въ качествѣ церковнаго учрежденія. 10) На это рѣшеніе архіерея общество или союзъ имѣетъ право апеллировать къ высшей церковной инстанціи въ мѣсячный срокъ; въ противномъ случаѣ рѣшеніе архіерея приводится въ исполненіе, и общество или союзъ объявляется закрытымъ, послѣ чего всѣ члены, клирики и міряне, обязаны выйти изъ его состава, не исполнившіе же этого подлежатъ церковному суду по правиламъ Церкви. II. Окончательныя постановленія церковной власти, осуждающія общества или союзы, публикуются въ соответствующихъ официальныхъ церковныхъ органахъ, центральныхъ или мѣстныхъ, и сообщаются мѣстному гражданскому начальству, для свѣдѣнія.

II. *Правила, опредѣляющія отношенія церковной власти къ обществамъ и союзамъ внѣцерковнымъ и къ общественно-политической и литературной дѣятельности церковныхъ должностныхъ лицъ.*

I) Всякій епископъ, пресвитеръ, діаконъ,

клирикъ и вообще лицо, по своему званію или должности состоящее по духовному вѣдомству, пользуясь предоставленной всѣмъ гражданамъ Россійской Имперіи свободой слова, печати, собраний и союзовъ, обязаны, однако, до тѣхъ поръ, пока состоятъ въ должности или санѣ, соотносить свою дѣятельность съ ученіемъ и правилами Православной Церкви. 2) Лица, упомянутыя въ 1 параграфѣ, не могутъ принимать участія въ противогосударственныхъ или противцерковныхъ партіяхъ. 3) Приступая къ изданію или редактированію газеты, журнала и подобнаго періодическаго печатнаго органа, лица, означенныя въ 1-мъ параграфѣ, должны, независимо отъ разрѣшенія гражданской власти, испросить благословеніе: епископъ—у высшей церковной власти, прочіе у епархіальнаго архіерея. *Примѣчаніе.* Воспитанники духовно-учебныхъ заведеній не могутъ быть издателями или редакторами какого либо періодическаго изданія. 4) Высшая церковная власть—архіерею, епархіальный архіерей—остальнымъ изъ указанныхъ въ 1-мъ параграфѣ лицъ могутъ отказать въ разрѣшеніи на изданіе, если въ программѣ предполагаемаго изданія и въ его объявленномъ направленіи могутъ указать нѣчто противное ученію и правиламъ Церкви и угрожающее ей явнымъ вредомъ. Отказъ въ благословеніи не можетъ вліять на рѣшеніе гражданской власти, но дѣлаетъ слушника ответственнымъ въ порядкѣ церковной или служебной дисциплины. 5) Если въ программѣ, отдѣльныхъ дѣйствіяхъ или въ общемъ направленіи даннаго внѣцерковнаго общества или союза усмотрѣно будетъ нѣчто явно противное ученію и правиламъ Православной Церкви, или ей враждебное и вредное, церковная власть предлагаетъ лицамъ, указаннымъ въ 1 §, выйти изъ состава общества, или союза, въ противномъ случаѣ оставить должность или санъ. 6) Если въ общественной, политической или литературной дѣятель-

ности (путемъ составленія, изданія и распространенія своихъ и чужихъ сочиненій) лицъ, означенныхъ въ 1 параграфѣ, усмотрѣно будетъ нѣчто противное ученію и правиламъ Церкви, или несоответствующее сану или должности, то церковная власть подвѣдомственнымъ ей лицамъ сначала: а) дѣлаетъ увѣщаніе и предложеніе исправиться; далѣе б) предлагаетъ прекратить данную дѣятельность и, наконецъ в) въ случаѣ неповиновенія подвергаетъ ответственности сообразно винѣ. 7. Изданное однимъ изъ указанныхъ въ 1 параграфѣ лицъ печатное произведеніе, содержащее въ себѣ явно противное ученію Церкви или направленное противъ нея, подлежитъ публичному осужденію высшей церковной власти, написавшій же подлежитъ, по разслѣдованіи дѣла, отрѣшенію отъ должности или изверженію изъ сана. 8. Во всѣхъ случаяхъ, указанныхъ въ §§ 4—7, заинтересованныя лица пользуются правомъ представлять церковной власти свои объясненія и на рѣшенія низшихъ церковныхъ инстанцій апеллировать къ высшимъ.

Приказъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

Приказомъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 5 ноября 1906 года за № 30, опредѣляются: Кандидатъ С.-Петербургской духовной академіи Николай **Верзинъ**, согласно прошенію, на службу по вѣдомству Православнаго Исповѣданія съ причисленіемъ къ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода съ 10 октября 1906 года. Изъ отставки: Коллежскій регистраторъ **Горбуновъ**, согласно прошенію, на службу по вѣдомству Православнаго Исповѣданія, канцелярскимъ чиновникомъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода—съ 18 октября 1906 года.

Назначаются: Чины Контроля при Святѣйшемъ Синодѣ: младшій контролеръ, коллежскій ассесоръ **Каминскій** старшимъ контролеромъ, счетный чиновникъ, титулярный совѣтникъ **Трипольскій** младшимъ контролеромъ и причисленный къ Канцеляріи Оберъ-Прокурора